

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Юридический факультет

КАЗАНСКИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ:

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Учебник Казанского университета

Коллектив авторов

**Казанские юридические школы:
эволюция образовательных
и научных традиций в
современной юриспруденции**

«Статут»

2016

УДК 34:378
ББК 67:74.58

Коллектив авторов

Казанские юридические школы: эволюция образовательных и научных традиций в современной юриспруденции / Коллектив авторов — «Статут», 2016 — (Учебник Казанского университета)

ISBN 978-5-8354-1229-7

В настоящую книгу, которая представляет собой коллективную монографию преподавателей юридического факультета Казанского университета, а также ведущих представителей науки и практики других российских вузов и организаций, вошли материалы по эволюции образовательных и научных традиций Казанской юридической школы. Издание направлено на дальнейшее развитие правовой доктрины России, а также выработку рекомендаций для совершенствования законодательства, судебной и иной юридической практики. Для студентов, профессорско-преподавательского состава юридических вузов и факультетов, юристов-практиков, а также всех тех, кто интересуется историей и современным развитием российского законодательства.

УДК 34:378
ББК 67:74.58

ISBN 978-5-8354-1229-7

© Коллектив авторов, 2016
© Статут, 2016

Содержание

Вступительное слово	5
Глава 1	7
§ 1. Юридическое образование в России и становление юридического факультета в Казанском университете	7
§ 2. Зарождение научных юридических школ в Казанском университете	23
Глава 2	37
§ 1. Теория естественного права И.-Х. Финке и ее влияние на государственное устройство и систему права России	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Казанские юридические школы: эволюция образовательных и научных традиций в современной юриспруденции

Вступительное слово

Уважаемые читатели, вашему вниманию предлагается работа, представляющая собой коллективную монографию преподавателей юридического факультета Казанского университета, а также ведущих представителей науки и практики других российских вузов и организаций.

Центральной темой настоящего издания являются вопросы эволюции образовательных и научных традиций Казанской юридической школы, и такая постановка вопроса не случайна.

В 2014 г. в Казани прошла целая серия мероприятий, посвященных 210-летию Казанского (Приволжского) федерального университета и его юридического факультета.

Кульминацией юбилейных мероприятий выступила масштабная международная научно-практическая конференция «Юридическая наука и образование в XXI веке», которая была успешно проведена 25–26 сентября в Казанском университете. Участие в конференции приняло свыше 200 участников из крупнейших университетов России и иностранных государств, а также практические работники из различных федеральных министерств и ведомств, а также юридического сообщества.

Одной из ключевых целей проведения конференции являлся обмен информацией между специалистами разных стран, вузов и организаций. Мероприятие предоставило идеальную возможность для создания научной платформы для дискуссий представителей различных юридических школ и направлений, для развития контактов, дало возможность встретить партнеров для создания новых совместных проектов.

Конференция запомнилась насыщенной программой, захватывающими дискуссиями и атмосферой невероятного гостеприимства.

По итогам конференции было принято решение о подготовке специального юбилейного издания, в котором отражалась бы вся многолетняя работа и результаты деятельности представителей юридической науки в Казанском университете за 210 лет его существования.

Было очень важно проанализировать исторические традиции и сегодняшние реалии, показать основные научные школы, сформировавшиеся на юридическом факультете Казанского университета, и отразить те идеи, которые оказались актуальными, проверенными временем, или же, наоборот, отброшенными современной доктриной и законодательством.

Исходя из основных направлений работы юбилейной конференции, в структуре монографии были сформулированы основополагающие для Казанской юридической школы вопросы: юридическое образование и наука в Казани: истоки становления; общетеоретические научные воззрения в Казанском университете: проблемы государства и права; государственное устройство в Казанском университете и современные проблемы государственного устройства России; роль Казанской юридической школы в формировании российской науки международного публичного и частного права; казанская школа гражданского права: связь прошлого и настоящего как основа современного правового развития; доктрина гражданского процессуального права и исполнительного производства в Казанском университете: история и современность; экологическое право: становление и развитие нового научного направления; российское уголовное

право в Казанском университете: научные традиции в современной интерпретации; уголовный процесс: концептуальные идеи и современные подходы их реализации; традиции правового педагогического образования и просвещения в Казанском университете.

В конечном итоге материалы, содержащиеся в представленной монографии, – это своеобразное лицо и современного юридического факультета Казанского университета, отражающее его текущее состояние.

Авторский коллектив монографии очень рассчитывает на то, что настоящее издание будет направлено на дальнейшее развитие правовой доктрины России, а также выработку рекомендаций для совершенствования законодательства, судебной и иной юридической практики.

Авторы монографии надеются, что ее материалы будут интересными и полезными для студентов, профессорско-преподавательского состава юридических вузов и факультетов, юристов-практиков, а также всех тех, кто интересуется историей и современным развитием российского законодательства.

Редакторы издания

Глава 1

Юридическое образование и наука в Казани: истоки становления

§ 1. Юридическое образование в России и становление юридического факультета в Казанском университете

Юридический факультет Казанского университета имел своим предшественником нравственно-политическое отделение, созданное по Уставу 1804 г. Учебные предметы, которые должны были читаться студентам этого отделения, группировались по следующим кафедрам: 1) богословие догматическое и нравоучительное; 2) толкование священного писания и церковная история; 3) умозрительная и практическая философия; 4) естественное, политическое и народное право; 5) право гражданского и уголовного судопроизводства Российской империи; 6) права знатнейших как древних, так и нынешних народов; 7) дипломатика и политическая экономия.

Профессора перечисленных кафедр могли читать и дополнительные предметы. Такая совокупность учебных дисциплин входила в понятие «Правоведение», введенное в употребление предварительными правилами народного просвещения, изданными в начале 1803 г. Задачи правоведения как отрасли высшего образования были наиболее полно очерчены в правилах для юридического отделения Дерптского университета 1802 г. и заключались в том, чтобы разъяснить учащемуся «политическое его отношение к правительству, разным сословиям и частным людям; его обязанности к оным и права, каких от них ожидать и требовать может, образовывать защитников правоты сограждан своих и угнетенной невинности»¹.

Следует сразу оговориться, что этот круг задач можно применить к нравственно-политическому отделению Казанского университета только условно, ибо собственно правовые дисциплины преподавались в нем наряду с «нравственно-политическими»². К тому же разделение университета на отделения в первое десятилетие его существования было только номинальным и полностью реализовалось лишь в 1814 г. Весьма немногочисленное количество студентов всех отделений прослушивало предметы полного университетского курса³. Так, один из первых студентов университета, его будущий ректор и крупнейший ученый-математик Н.И. Лобачевский помимо полного курса физико-математического отделения прослушал «курс философии, всеобщей и российской истории... и прав, естественного, гражданского и народного»⁴.

¹ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1805. СПб., 1875. С. 120. Как бы демагогически ни звучала эта формулировка, не нужно забывать, что в описываемое время в русском обществе и ближайшем окружении Александра I были рьяные противники университетского образования, откровенно заявлявшие, что если вообще «любовь у наукам и забота о них есть опасная ошибка, то особенно вредно изучение «прав», ибо в раннем возрасте человеку полезно знать из общественного устройства только три вещи: «первое – что Бог сотворил человека для общества, второе – что для общества необходимо правительство, третье – что каждый обязан повиноваться властям...» (Сухомлинов М. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. СПб., 1866. С. 34).

² Последние в количественном отношении вначале даже превалировали над первыми.

³ Как свидетельствует один из историографов Казанского университета Н.Н. Булич, в эти первые годы «преподавание носило весьма неопределенный характер: о какой-либо специальности и думать было нечего... С лекции, где разбирались стилистические красоты ломоносовской оды, студенты шли слушать теорию гальванизма: от объяснений... Овидия переходили к тригонометрическим задачам, с германского права шли на ботанические лекции» (Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета. Казань, 1887. Ч. 1. С. 51).

⁴ Модзалевский Л.Б. Материалы к библиографии Н.И. Лобачевского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 143.

Серьезным недостатком в преподавании политических и правовых предметов в тот ранний период было чтение их на иностранных языках: латинском, немецком, французском, – ибо основной костяк преподавателей составляли профессора-иностранцы. Учебников и учебных пособий на русском языке не было. В этих условиях лишь отдельные студенты нравственно-политического отделения смогли завершить юридическое образование, а среди них только единицы подготовились к профессорскому званию. К числу их следует отнести Н.М. Алехина, Е.П. Манасейна; первый специализировался по римскому праву, российскому гражданскому и уголовному праву, второй – в области естественного права. Поэтому вступление в состав преподавателей нравственно-политического отделения первого русского ученого-правоведа Г.И. Солнцева в 1814 г. стало заметным событием, оставившим след в жизни не только этого отделения, но и всего университета. Это был высокообразованный для своего времени человек, получивший духовное и светское высшее образование. Уровень показанных Гавриилом Ильичем Солнцевым на магистерских экзаменах знаний в сочетании с представленными сочинениями по римскому праву, энциклопедии и методологии права обеспечил ему получение не магистерской, а докторской степени. Для Казанского университета это была первая докторская степень, полученная русским ученым⁵. Заняв в 1817 г. кафедру прав знатнейших как древних, так и новых народов, он в ближайшие годы стал преподавать и многие другие правовые дисциплины и читал их на высоком уровне. Для преподавания Г.И. Солнцева характерен метод сравнительного правоведения, который он стремился использовать, сопоставляя «права знатнейших народов» с российскими законами. Методические основы, которых придерживался Солнцев, изложены им в особом мнении относительно самого способа преподавания наук в университете. Сочетая научную подготовку с практической (ранее он несколько лет прослужил в Сенате), Солнцев организовал практические занятия студентов в виде юридических состязаний, чтобы приучить их «доказывать каждую статью из прав словесно и письменно...»⁶. Одновременно Солнцев продолжал и собственно научную деятельность, разрабатывая науку римского гражданского и уголовного права, а также принимая непосредственное участие в переводе на русский язык двух учебников по естественному праву – И.-Х. Финке и Ф. Рейнгарда. Деятельность Г.И. Солнцева не осталась без внимания: в 1818 г. он избирается деканом нравственно-политического отделения, затем проректором университета; в 1819 г., после смерти ректора И.О. Брауна, Солнцев был назначен на один год ректором Казанского университета.

Однако в России уже давно сгущались тучи над молодой университетской наукой. Последствия французской буржуазной революции, всенародный подъем в России в период Отечественной войны 1812 г. заставили правительство Александра I искать новые средства для укрепления самодержавно-крепостнического строя. Был создан «Священный союз государей Европы» во главе с царской Россией, а внутри страны был предпринят поход воинствующей реакции против «духа неверия и лжемудрия», которым якобы были заражены русские университеты. Первой жертвой этого похода стал Казанский университет, ревизию которого летом 1819 г. провел реакционер-фанатик М.Л. Магницкий, назначенный затем попечителем Казанского учебного округа. Магницкий видел прямую связь между философским содержанием наук и событиями Великой французской буржуазной революции. В Казанском же университете в первые полтора десятилетия его существования преподаванию философских дис-

⁵ Сановная аристократия, стоящая во главе ведомства народного просвещения, не могла простить Солнцеву ни его «плебейского» происхождения (он был сыном сельского священника), ни быстрого взлета его ученой карьеры. В период, предшествующий наполеоновскому вторжению, русские чиновники от науки были рады принять в университет любого дипломированного иностранца, отдавая ему предпочтение перед отечественными учеными. Так, в глазах одного из попечителей Казанского учебного округа М.А. Салтыкова Г.И. Солнцев был не более чем «выскочка».

⁶ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1891. Ч. 2. С. 254.

циплин уделялось значительное внимание вообще и в нравственно-политическом отделении в частности. Логика и метафизика, нравственная философия и психология, история философии – вот круг философских наук, которые предшествовали изучению собственно правовых дисциплин⁷. Философскую часть самой науки о праве составляло так называемое «естественное право», преподавание которого занимало тогда центральное место и обеспечивалось лучшими преподавателями факультета (И.А. Финке, Г.И. Солнцев)⁸. В сочетании с деистским мировоззрением ряда ученых такая направленность преподавания и привлекла к себе внимание правительства, которое решило с помощью Магницкого не только расправиться с передовой наукой, но, обезвредив ее, заставить служить укреплению самодержавия⁹. Единственно прочной «основой» всех наук отныне должны были стать самодержавие и православие, а вся новая структура «народного просвещения» должна была выражать его «национальный» дух¹⁰. Так закладывались основы теории «официальной народности».

В двух специально разработанных «инструкциях» – ректору и директору Казанского университета – Магницкий по-своему, т.е. на догматах православия, «обосновал» все университетские науки. Полностью оказалось выхолощенным содержание естественного права: место естественных, природных прав человека и общественного договора, как основы общественной организации, прочно заняли религиозные «истины». Получив санкцию императора, эти «инструкции» приобрели характер правовых актов и действие их было распространено также на Петербургский и Харьковский университеты. В связи с ревизией Магницкого Казанский университет оказался буквально разгромленным: преподавание всех предметов переведено на новые «теоретические» основы православия; из студенческой библиотеки изъяты «крамольные» сочинения; уволены многие преподаватели. Особенно пострадало нравственно-политическое отделение; все его кафедры оказались соединенными в одну «кафедру прав», а в числе преподавателей осталось всего три человека.

Вершиной же этой расправы стал университетский суд над профессором Г.И. Солнцевым, тянувшийся два года. Его судьба как ученого и преподавателя была решена в административных сферах задолго до окончания суда¹¹, однако реакционерам было необходимо, чтобы осуждение Солнцева исходило от самой ученой корпорации. По свидетельству историографов университета (Н.Н. Булича, Н.П. Загоскина), суд этот был настоящим актом инквизиции, хотя «судьи» до смерти боялись Солнцева и как ученого, и как юриста. Свою защиту Солнцев взял

⁷ «Преподавание философии и логики и кафедра философии, – пишет один из современных исследователей, – оказались в сфере пристального внимания общественности и университетского руководства. В противоположность реакции, насаждавшей на кафедре философии идеализм и мистику, передовые деятели университета отстаивали право на свободную и самостоятельную мысль, стремились к приглашению на философскую кафедру лучших, прогрессивных по своим взглядам преподавателей» (Тузов Л.Л. Из истории философской мысли в Казанском университете. Полемика А.С. Лубкина против кантовской философии // Ученые записки Казанского университета. Т. 116. Кн. 5. Общеуниверситетский сборник. Казань, 1956. С. 268).

⁸ «Благодаря этому из всех отделений старого университета... отделение нравственных и политических наук давало... более всего духовного и нравственного содержания своим слушателям...» (Булич Н. Из первых лет Казанского университета // Ученые записки императорского Казанского университета. 1890. Кн. 1. С. 59).

⁹ Не случайно ставленник Магницкого и проводник его идей на посту ректора Казанского университета – Г.Б. Никольский, сменивший Солнцева, уподоблял деистов «малым антихристам» (см. речь Г.Б. Никольского на торжественном собрании университета 17 января 1821 г. (Казанский Вестник. 1821. Кн. 5. С. 50)).

¹⁰ Прямую связь между самодержавием и православием весьма откровенно показал сам Магницкий, открыто заявив, что «самодержавие без православия есть одно насилие» (см.: Магницкий М.Л. Краткий опыт о народном воспитании // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной его императорского Величества канцелярии. СПб., 1876. Вып. 1. С. 369).

¹¹ Уже летом 1821 г. министр народного просвещения «временно» отстранил Солнцева от преподавания. Магницкий, став попечителем, конфиденциально писал новому ректору Никольскому в декабре 1822 г.: «Я намерен представить об увольнении Солнцева. В сей мысли мы с Вами встретились» (см.: Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского при Казанском государственном университете, ед. хр. 4777, л. 25 об., подлинник. Публикуется впервые).

на себя. Решение суда было следующим: лишить Солнцева профессорского звания и права преподавания в любых учебных заведениях¹².

Изгнав из правовых предметов всю философскую часть, придав преподаванию естественного права новое, «обличительное» направление, отказавшись даже от преподавания римского права и совместив все собственно юридические дисциплины в одной «кафедре прав», попечитель и университетское руководство свели все юридическое образование к изучению действующего законодательства царской России. Единственный ученый-правовед, который стал во главе объединенной кафедры, профессор П.С. Сергеев, специально для этого перемещенный Магницким из Петербурга в Казань, с полным учетом «инструкций» ректора Казанского университета и последующих указаний Магницкого, предложил соответствующий учебный план нравственно-политического отделения¹³. При дальнейшем обсуждении и уточнении этого плана, проходившем уже под руководством нового ректора Н.И. Лобачевского, который часто принимал личное участие в заседаниях юридического факультета, было сформулировано понятие «политического права», в которое включались, помимо теоретической части, «положительное право государственного устройства России и право государственной службы». Кроме того, Н.И. Лобачевский настоял на включении в перечень учебных предметов римского частного права, как общего «основания теории законов»¹⁴. В угоду дворянству обширной Казанской и соседних с ней губерний, откуда в нравственно-политическое отделение шел основной состав студентов-дворян, было высказано мнение об обязательном преподавании «права военного и военного судопроизводства, как весьма полезной части для тех студентов, которые пожелают вступить на военную службу»¹⁵.

Такое положение в Казанском университете отвечало начавшейся общей перестройке всего нравственно-политического образования в России, обращению к изучению российского законодательства в его исторической и положительной частях, что обеспечивалось, в частности, инкорпорацией всего русского правового наследия со времен Уложения царя Алексея Михайловича, осуществлявшейся под руководством М.М. Сперанского. Все это вместе взятое должно было исторически оправдать самодержавие, подвести под него «правовую базу». Реорганизация завершилась принятием реакционного устава российских университетов 1835 г. Однако длительный период перестройки «отделения прав» Казанского университета (именно такое название прозвучало впервые в официальных документах университета в конце 20-х годов) был чрезвычайно сложным. «Дело о разделении юридической кафедры» практически затянулось до введения в действие нового устава, что само по себе заняло несколько лет, в связи с чем университет не получал ни новых штатов, ни дополнительных средств на организацию требуемых кафедр. Вся тяжесть преподавания ложилась на плечи одного профессора, двух-трех адъюнктов и нескольких студентов-кандидатов, выступавших в роли репетиторов¹⁶.

¹² Однако сломить такую сильную личность, как Солнцев, было непросто, и еще до окончания комедии суда он получает новое назначение, но уже по ведомству министерства юстиции: председателем Казанской палаты уголовного суда. Через год его перевели на должность казанского губернского прокурора (более скромную, чем прежде, при наличии военного губернатора), и занимал он этот пост более 20 лет, до выхода своего на пенсию в 1844 г. (см.: *Агафонов Н.Я.* Из Казанской истории. Казань, 1906. С. 46). Однако не это самое главное в библиографии Солнцева: до конца своих дней он не терял интереса к науке и связей с Казанским университетом, постоянно присутствуя на публичных «диспутах» (защитах диссертаций), а иногда и принимая в них участие в той или иной форме, о чем свидетельствуют современники. На посту губернского прокурора он активно содействовал открытию в Казани института благородных девиц – первого в Поволжье учебного заведения для женщин. Умер Солнцев в возрасте 90 лет, в 1866 г. В последний путь его провожали ученые Казанского университета, а «прощальное слово, достойное заслуг, знаменитого юриста», произнес А.М. Бутлеров (см.: *Агафонов Н.* Краткие сведения о жизни Гавриила Ильича Солнцева. Казань, 1867. С. 27).

¹³ *Загоскин Н.П.* История Казанского университета. Казань, 1904. Ч. 3. С. 448.

¹⁴ ЦГА ТАССР, ф. 977, опись юридического факультета, ед. хр. 5, л. 14.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Институт репетиторства возник с первых лет существования нравственно-политического отделения в связи с необходимостью «репетировать», повторять лекции профессоров-иностранцев. Постепенно это вошло в обязанность студентов-канди-

Отсутствие подготовленных преподавательских кадров, новая волна иностранцев, заполнивших юридический факультет (на сей раз это были бездарности, оставившие печально-смертвенную память у студентов, – Г.Б. Винтер, Г.Л. Фогель, Л.Ф. Камбек), – все это не могло обеспечить должного уровня ни в преподавании, ни в научной деятельности. А ничтожное количество студентов, учившихся в те годы на факультете, затрудняло подготовку кадров для государственного аппарата¹⁷.

Как уже говорилось выше, введение Устава 1835 г. заняло несколько лет. Только 24 июня 1837 г. на заседании Совета Казанского университета был рассмотрен новый учебный план, согласно которому на юридическом факультете учреждалось семь кафедр со следующим распределением учебных предметов: 1) кафедра энциклопедии прав и государственных учреждений включала в себя энциклопедию права, государственные учреждения Российской империи, права состояний и теорию государственного права; 2) кафедра римского законоведения с его историей – историю римского права, догматическую часть римского права (институции и пандекты); 3) кафедра гражданских законов – историю русского законодательства, гражданское право, межевые законы и права присоединенных провинций, а также судопроизводство; 4) в круг предметов кафедры законов благоустройства и благочиния попадали законы о народонаселении, народном продовольствии, общественном призрении, о благоустройстве в городах и селениях, о праве фабричном и ремесленном, о правах коммерческих, об уставе кредитных установлении, уставе путей сообщения и строевом уставе; 5) кафедра законов о государственных повинностях и финансах объединяла законы о повинностях и государственных имуществвах, законы монетные, горные, соляные, законы о податях и пошлинах, питейном сборе и акцизе, о таможенном уставе; 6) кафедра законов полицейских и уголовных включала теорию уголовного и полицейского права, судебную медицину и медицинскую полицию, уставы пожарный, о паспортах и о беглых, законы о предупреждении и пресечении преступлений, о содержащихся под стражей и ссыльных, а также уголовное право России и присоединенных провинций с уголовным судопроизводством; 7) кафедра «начал общественного правоведения» включала теорию народного права и дипломатию, а также практику дипломатии и практическое народное (международное) право. Церковная теория, догматическое и нравственное богословие объявлялись общефакультетскими предметами, так же как логика, психология и российская статистика; политическая экономия и финансовая наука были обязательными для юристов и словесников¹⁸.

Реальное осуществление учебного плана, составленного на основе Устава 1835 г., по-прежнему упиралось в вопрос о кадрах. Выход был возможен в двух направлениях: а) в более активной подготовке молодых преподавателей из числа собственных студентов-кандидатов и б) в привлечении в университет русских ученых со стороны. Казанский университет исполь-

датов, руководимых специальным педагогическим институтом, созданным внутри Казанского университета. Репетиторство, как один из методов преподавания, сохранялось в течение чуть ли не всего XIX века. Министерским предписанием от 16 августа 1842 г. было рекомендовано сократить либо полностью отменить репетиторство, однако юридический факультет представил в совет университета свое мнение о необходимости сохранения «репетиций», утверждая, что в некоторых случаях они бывают полезнее самих лекций, так как «не только знакомят преподавателей с достоинством их слушателей, но указывают на непонятные места их чтений и пополняют самые курсы изъяснениями и дополнениями, на них делаемыми» (см.: ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 184, л. 19 об.). Из этих слов можно сделать вывод, что репетиторство проводилось в основном самими лекторами и носило характер повторения пройденного материала. В последние десятилетия XIX века «репетиции» превратились в собеседования – «коллокви» (см. там же, ед. хр. 416, л. 4).

¹⁷ Так, например, в 1830–31 академическом году в «разрядах» (курсах) факультета обучались: на 1-м – пять человек, на 2-м – семь, на 3-м – один, окончивших полный факультетский курс было семь человек (см.: ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 47, л. 1–2, 8). В качестве «своекоштных» студентов эти представители дворянской молодежи пользовались правом свободного выбора своей дальнейшей карьеры после окончания университета. Имеются данные, что многие из них занимали места учителей правоведения в так называемых благородных пансионах при гимназиях губернских городов.

¹⁸ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 49, л. 105–106. Уже дореволюционные историографы университета справедливо указывали, что Устав 1835 г. ориентировал на изучение не прав, а законов. Действительно, отечественное правоведение как бы обратилось вовнутрь, занялось рассмотрением действующего законодательства.

зовал обе эти возможности, и уже в конце 30-х – начале 40-х годов коллектив преподавателей стал пополняться за счет притока молодых сил. Однако далеко не все из них «прижились» на факультете, не все связали свою жизнь с карьерой ученого, вследствие чего недостаток в научно-преподавательских кадрах стал хроническим. Тяжелая политическая атмосфера, опустившаяся на Россию в первой четверти XIX века, усилилась при Николае I и, естественно, особенно давала себя знать в области гуманитарных и общественно-политических наук: не разрешалось писать и говорить о правительственных распоряжениях, о крепостном праве; действовал «чугунный» цензурный устав. Официальное руководство наукой и образованием продолжало опираться на испытанных «китов» – самодержавие, православие, народность. В этих случаях от немногочисленной прослойки передовых русских ученых-гуманитариев (историков, юристов, экономистов и т.д.) требовались большое гражданское мужество и энтузиазм для отстаивания своих научных и общественно-политических взглядов.

Костяк молодых преподавателей и ученых, сложившийся в эти годы на факультете, включал в себя Н.В. Ратовского¹⁹, А.Г. Станиславского, Д.И. Мейера; близко к ним стояли преподаватели политической экономии и финансов Е.Г. Осокин, И.К. Бабст, преподаватель технологии М.И. Киттары. Истинной гордостью юридического факультета становится Дмитрий Иванович Мейер, выпускник Петербургского педагогического института, завершивший свое правовое образование в Берлинском университете. Вернувшись в Петербург, 11 января 1845 г. Мейер выступил с первой публичной лекцией, которая получила высокую оценку и по форме изложения и по содержанию; через месяц он был назначен в Казанский университет, на юридический факультет²⁰.

Необыкновенно быстро, в течение ноября – декабря 1845 г. Мейер сдает все магистерские испытания, в декабре же факультет предварительно рассматривает его диссертацию «Опыт о праве казны по действующему законодательству»; 10 января 1846 г. факультет собрался на заседание, в котором «рассуждаемо было о достоинстве диссертации г. магистранта Мейера»; получив удовлетворительную оценку, диссертация была допущена советом университета к защите, которая и состоялась 3 марта 1846 г.²¹ Большой личной заслугой Мейера является издание им сборника научных работ членов юридического факультета, подготовленного в ознаменование 50-летнего юбилея университета. Сборник положительно оценила тогдашняя российская пресса.

Интересны взгляды Мейера на практические занятия студентов и его деятельность по их организации. Научную постановку этого вопроса он изложил в работе «О значении практики в

¹⁹ Николай Ратовский, блестяще закончивший курс в Казанском университете, весной 1841 г. защитил магистерскую диссертацию и начал преподавание по кафедре гражданского права. В 1884 г. он получил специальную командировку в Петербург – «для изучения практического делопроизводства и слога» в Сенате и Министерстве юстиции. Как ни узки были эти задачи, молодой ученый сумел их расширить, посещая занятия в университете, педагогическом институте и училище правоведения. Политические симпатии Ратовского определили его связь с кружком Петрашевского (см. об этом: *Шофман А.С.* Казанский период в жизни Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1956. С. 77). Вернувшись в Казань, молодой ученый стал усиленно и систематически изучать судебную практику, начиная с низшей судебной инстанции – Казанского уездного суда, и много сделал для постановки практических занятий со студентами.

²⁰ О Д.И. Мейере написано достаточное количество исследований и воспоминаний, сходных между собой в чрезвычайно высокой оценке трудов и личности этого выдающегося человека своего времени. Однако в этих работах Мейера рисуется как борец-одиночка на фоне сухих и бездарных чиновников от науки. Нам представляется, что сила Мейера определялась не только его индивидуальными качествами, но и той группой молодых, прогрессивно настроенных преподавателей, которые сплотились вокруг него на факультете на рубеже 40–50-х гг. и которые попытались противостоять (иногда не без успеха) рутинным, чиновничье-бюрократическим традициям, сложившимся на факультете в предшествующий период.

²¹ Всего за год пребывания в Казани и университете Мейер сумел привлечь к себе сердца многих студентов и коллег, а также получил широкую известность в городе как человек умный и честный, с широкими гуманными взглядами, превосходный преподаватель. Обаяние личности Мейера было огромным, как и его влияние на современников. Так, в день защиты Мейером своей магистерской диссертации в Казани не смог состояться концерт известного в то время артиста-гастролера, ибо все культурное общество города было в университете на диспуте Мейера (см.: *Певзнер Г.С.* Д.И. Мейер – выдающийся русский цивилист // Ученые записки Казанского государственного университета. Т.116. Кн. 13. Из истории юридической мысли в Казанском университете. Казань, 1956. С. 24).

системе современного юридического образования». По свидетельству современников, Мейер тратил свои скромные личные средства для обеспечения юридического факультета всеми необходимыми материалами для таких занятий. Качество их и отношение к ним самого Мейера были таковы, что известный русский цивилист Г.Ф. Шершеневич имел все основания в начале XX века сказать, что Мейер проводил свои практические занятия на таком уровне, на каком они и теперь еще нигде не стоят. Известно, что Мейер был противником «театрализованной» практики, заключающейся в «разыгрывании» всех стадий судебного производства самими студентами. Он шел в самую гущу жизни и вел туда же своих студентов. В этих целях при факультете им была организована юридическая «клиника» (консультация), куда обращались жители Казани и крестьяне пригородных деревень за юридическими советами. Разумеется, консультирование было бесплатным. Юрист более позднего времени пишет: «Мы живо себе представляем картину, напоминающую дачу *responsae* римскими юрисконсультами. Мейер в кругу своих учеников разбирает предлагаемые ему казусы. Сколько тут, надо думать, было тонкого и глубокого анализа и какой получился бы сборник этих *consilia*, который по достоинствам не уступал бы многочисленным западным! Все это пропало для науки бесследно»²². В связи с этим нельзя не упомянуть и о такой стороне деятельности Мейера, как популяризация правовых знаний. При этом им двигало желание высвободить народ из-под влияния корыстных и темных дельцов типа прежних «ярыжек», дав ему в руки специальный «юридический катехизис». Имеются сведения, что наметки создания такого сборника у Мейера уже были²³.

Время конца 40-х – начала 50-х гг. было переломным в жизни России. Порочность изживших себя социально-экономических порядков все яснее осознавалась передовыми представителями русского общества, а огромная страна самым ходом истории вопреки стремлениям правящих кругов была поставлена на рубеж буржуазных реформ. Лучшие умы России – Белинский, Герцен, Чернышевский – стали вестниками грядущих социальных преобразований. В рядах той демократической интеллигенции, которая разделяла их убеждения, был и Д.И. Мейер. И хотя с конца 40-х гг. действовали самые строгие правительственные предписания, запрещающие касаться наболевшего «крестьянского вопроса», Мейер в своих лекциях с высокой профессорской кафедры смело обличал крепостничество, внушал студентам, что может быть право собственности на вещь, но не может быть права собственности на человека²⁴. Одновременно Мейер настойчиво обличал перед студентами, тянувшимися к нему, взяточничество и лихоимство как презренные качества царских чиновников.

Мейер был чужд верноподданнических настроений, пронизывающих в целом слои тогдашней интеллигенции. Так, представляя разработанную им программу русского гражданского права и отвечая в конце на обязательный вопрос о «направлении» и «духе» преподавания, он с достоинством подлинного ученого писал, что дух и направление его преподавания «клонятся к тому, чтобы ознакомить слушателей основательно с наукою гражданского права, показать им, каким образом применяются истины ее к практике, и внушить готовность применить их»²⁵. Появление в профессорской среде юридического факультета такого человека, как Мейер, антикрепостнический «дух» его преподавания, нравственная поддержка, оказываемая

²² Гольмстен А.Х. Ученые юристы и гражданское правосудие // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 4. С. 122.

²³ Отечественные записки. 1859. Т. 126. С. 85. Рецензия Т. Шишкина на второе издание «Чтений Д.И. Мейера».

²⁴ Овсянников Н. Из записок студента Казанского университета // Русский архив. 1909. Кн. 3. С. 472.

²⁵ ЦГА ТАСР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 293, л. 3. Особо следует отметить, что, как правило, ответы преподавателей на подобные вопросы сводились к тому, чтобы «внушать слушателям справедливое убеждение, что постановления отечественного законодательства и правительственные меры направлены на распространение истинного благоденствия подданных» (там же, ед. хр. 311, л. 56 об.). Не в этом ли различном подходе к своим обязанностям ученого и гражданина можно найти ответ на слова Н.Г. Чернышевского, сказанные им по поводу кончины Мейера: «Большинству русской публики все еще слишком мало известно имя покойного Мейера, одного из тех героев гражданской жизни, все силы которых посвящены осуществлению идей правды и добра... Но зачем они погибают так рано?» (*Чернышевский Н.Г. Сочинения*. Т. 4. М., 1948. С. 670).

ему со стороны ряда молодых преподавателей и передовой части студенчества, – все это было несомненным свидетельством глубоких сдвигов, совершавшихся в это время в жизни русского общества и отражавших все усиливающийся кризис крепостнического строя.

Однако как бы талантливы и прогрессивно настроены не были отдельные преподаватели, реальная действительность России середины XIX века резко противоречила тому, что дозволено было читать даже в официальных университетских курсах, например в энциклопедии права, впитавшей в себя многие философско-правовые моменты науки о праве. В то время как в России действовало, по существу, только два права: «право самодержавия» (формулировка М.М. Сперанского) и крепостное право, преподаватель энциклопедии права А.Г. Станиславский говорил своим слушателям о нравственных основаниях права, о правах человека, о развитии идеи права. Такой очевидный разрыв между научными положениями и реальной действительностью не мог не улавливаться мыслящей частью молодежи, не мог оставить ее равнодушной. И именно не кто иной, как великий писатель земли русской Лев Николаевич Толстой, бывший в течение полутора лет студентом юридического факультета Казанского университета, писал впоследствии в «Письме о праве»: «Я ведь сам был юристом и помню, как на втором курсе меня заинтересовала теория права, и я не для экзамена только начал изучать ее, думая, что найду в ней объяснение того, что мне казалось странным и неясным в устройстве людей. Но помню, что чем более я вникал тогда в смысл теории права, тем все более и более убеждался, что или есть что-то неладное в этой науке или я не в силах понять ее»²⁶.

Определенным свидетельством социально-экономических сдвигов, происходивших в обществе, было разделение в 1845–46 учебном году юридического факультета на два разряда – юридических и камеральных наук. Разряд камеральных наук должен был отвечать интересам развивающегося земледелия, промышленности, торговли, образовывать «чиновников по Министерству финансов и государственных имуществ, ученых помещиков-агрономов, купцов-заводчиков и проч.»²⁷. Однако формы, в которые была воплощена идея камерального образования, представляли собой лишнее доказательство сугубо административного, бюрократически-канцелярского решения важной задачи. Не только ученые юридического факультета, но и в целом совет Казанского университета практически не принимали участия в предварительном обсуждении этого вопроса, им была навязана роль лишь исполнителей предписаний «высшего» начальства. Не был услышан и голос такого выдающегося ученого и администратора Н.И. Лобачевского, справедливо полагавшего, что факультет хозяйственных наук должен стать отделением физико-математического факультета²⁸. Искусственно пристегнутое к юридическому факультету, камеральное отделение потребовало дополнительных усилий от немногочисленных преподавателей факультета для организации учебного процесса, ибо студенты-камералисты должны были, хотя и в уменьшенном объеме, изучать весь цикл государственных и правовых предметов; одновременно в учебном плане камерального отделения значились физика и химия, сельскохозяйственная и технологическая науки, механика и т.д.

Создание камерального отделения повысило интерес молодежи к юридическому образованию, и число студентов факультета стало расти по сравнению с предыдущими периодами: так, в 1846 г. студентов-юристов было 57 человек, камералистов – 71, в 1847 г., соответственно, – 52 и 73²⁹. Правда, в первой половине 50-х гг. это количество несколько снизилось, но предреформенный период и особенно буржуазные реформы 60-х гг. вновь привлекли молодежь на юридический факультет. Так, уже в 1854–55 академическом году общее число студентов факультета составило 111, в 1865/66 – 140 человек. К концу 60-х гг. на факультете училось

²⁶ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1956. Т. 38. С. 60.

²⁷ ЦГА ТАСР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 211, л. 1.

²⁸ Модзалевский Л.Б. Материалы к биографии Н.И. Лобачевского. С. 433–437.

²⁹ Камеральное отделение в составе юридического факультета было искусственным образованием и бесславно прекратило существование «само собою», как сказано в отчете университета за 1864–1865 гг.

уже 224 человека, что составляло добрую половину всех студентов Казанского университета (данные взяты из отчетов университета за соответствующие годы).

По социальному составу студенты-юристы принадлежали в основном к отдельным группам господствующего класса: на факультете учились дети дворян (потомственных и личных), офицерства, чиновничества; только три-пять человек являлись выходцами из купцов и мещан, представителей же крестьянской и рабочей среды не было вообще.

По национальному признаку подавляющее большинство студентов были «великороссами», отдельные, редко встречающиеся фамилии «мусульман» принадлежали, как правило, выходцам из среды уральского казачества. За весь XIX век на факультете из казанских татар был только один студент, и на него, по отзывам современников, смотрели как на «чудо». Колонизаторская политика царизма не предусматривала высшего университетского образования для коренного населения Казанской губернии.

В 50–60-е гг. XIX века юридический факультет Казанского университета полностью оформился: определился круг учебных предметов, зафиксированный затем в уставах 1863 и 1884 гг.; сложился постоянный профессорско-преподавательский состав, готовивший себе научную смену из числа студентов; окончательно определилось лицо факультета как кузницы кадров для разветвленного бюрократического государственного аппарата³⁰.

«Дух» и «направление» преподавания в этот и последующий периоды полностью отвечали расстановке классовых сил в стране. Крестьянская реформа 1861 г. хотя и явилась крупным буржуазным преобразованием, но проведена была в такой форме, которая не подрывала устоев господствующего класса – земельного дворянства. Русская буржуазия перед лицом растущего демократического и начавшегося рабочего движения стремилась найти защиту у самодержавия и приспособлялась к его интересам. В таких условиях от студенчества требовалось прежде всего полное послушание и повиновение, полная лояльность по отношению к существующему политическому строю. Именно такое воспитание и образование должны были обеспечить университетская наука в целом и в особенности политические и правовые дисциплины.

В начале 50-х гг. в связи с революционными потрясениями в Европе в Казанский университет была прислана верноподданническая программа по курсу государственного права европейских стран, наиболее опасному, с точки зрения самодержавного правительства³¹.

Стремлением правительства упрочить существующий политический порядок, подготовить надежные кадры для государственного аппарата следует объяснить новую реорганизацию юридического факультета Казанского университета, которая была предпринята в 1865 г. и заключалась в создании на факультете двух разрядов:

а) наук правовых и б) наук государственных.

Начавшиеся в 60-х гг. студенческие беспорядки, нараставшие из десятилетия в десятилетие оппозиционные настроения среди молодежи усиливали внимание правительства к университетскому вопросу, заставляли изыскивать новые пути влияния на студентов, чтобы превратить их в послушных исполнителей самодержавной воли. Большие надежды в деле соответствующего воспитания и образования молодежи правительство возлагало на внутреннюю университетскую администрацию, на усиление мер административного и учебного надзора и контроля за студентами. В этом отношении характерны «Правила о контроле над занятиями студентов», составленные осенью 1881 г. деканом юридического факультета профессором Н.А.

³⁰ В связи с буржуазными реформами 60-х гг. лица, оканчивающие юридический факультет Казанского университета, использовались на различных должностях судебного ведомства, в присяжной адвокатуре, а также и на иной государственной службе – в конторах по строительству железных дорог, по управлению горным Уральским округом; в земских и городских органах, позднее – на должностях земских начальников (см.: ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1317, л. 47).

³¹ Составление учебных программ – «планов преподавания» возлагалось преимущественно на самих преподавателей. В отделе рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского университета хранятся копии этих программ, собранных и прокомментированных И.А. Емельяновой.

Крем-левым. Основная идея, руководившая автором этих Правил, сводилась к тому, что «чем больше будут заняты студенты, тем меньше они будут волноваться». Правила предусматривали целый ряд строгих мер, долженствующих повысить требовательность к студентам, самую экзаменационную процедуру³². С 1882 г. совет университета постоянно напоминает профессорско-преподавательскому составу о необходимости максимально загружать студентов занятиями не только в учебное, но и во внелекционное время. В самом конце XIX века совещание попечителей учебных округов и начальников высших учебных заведений признало, что «тот преподаватель, который ограничивает свою преподавательскую деятельность только чтением лекций в положенные часы и не входит в духовные интересы и нужды учащихся, не сближается с ними на этой почве и не руководит их неокрепшею мыслью, исполняет лишь малую долю своих обязанностей, возлагаемых на него высоким званием профессора»³³. Однако при этом вопрос о качестве занятий оставался в стороне. Более того, согласно Уставу 1884 г., Министерство народного просвещения стремилось отгородить студенчество от подлинно научных знаний. Из программ государственных испытаний устранялись вопросы, связанные с теми или иными научными теориями; в правилах о зачете полугодий 1885 г. специально предписывалось: «Если преподаватель обязательной для студента науки не ограничивается в преподавании установленной нормой, но идет далее, студенты обязывают представлять доказательства своего прилежания только в пределах, установленных экзаменными требованиями для данного предмета... Изучение разных отвлеченных мнений и доктрин... отнюдь не должно быть студентам вменяемо в обязанность и обращено в мерило их прилежания»³⁴.

Между тем новые студенты, поступившие в университет в эти годы, были уже достаточно просвещены в политическом отношении³⁵. Из глубокого противоречия между научно-политическими запросами и знаниями передовой части студенческой молодежи и состоянием университетской науки, системой мер административной опеки над студентами выросло одно из направлений революционной студенческой оппозиции. В формировании ее в стенах Казанского университета определенную роль сыграли студенты-юристы. В такой сложной обстановке жил юридический факультет Казанского университета, когда осенью 1887 г. сюда пришел молодой юноша из Симбирска – Владимир Ульянов.

В эти последние десятилетия XIX века юридический факультет Казанского университета становится проводником буржуазного правосознания, крепнущего в русском обществе под воздействием буржуазных реформ 60-х гг. Активизировалась научно-исследовательская деятельность ученых факультета, особенно оживившаяся в связи с правом факультета проводить защиты диссертаций. В своих научных изысканиях, на учебных занятиях передовые ученые отстаивали прогрессивные для тогдашней России идеи буржуазной законности, выдвигали острые, злободневные вопросы правового характера.

Среди научных работ и диссертаций в этом плане обращают на себя внимание работы Г.Ф. Шершеневича, А.А. Пионтковского (приват-доцент Новороссийского университета, вскоре перешедший в Казанский университет, отец виднейшего советского правоведа А.А. Пионтковского), А.И. Елистратова и др. Пионтковский и Елистратов, трудившиеся в области уголовно-правовой науки, выступали поборниками буржуазных принципов правосудия,

³² Текст правил см.: ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 610, л. 44–45.

³³ Там же, ед. хр. 969, л. 17.

³⁴ Цит. по кн.: Ответы совета Казанского университета на вопросы министра народного просвещения по устройству университетов. Казань, 1901. С. 30, 32–33.

³⁵ Один из студентов-юристов конца XIX века (будущий комиссар юстиции сначала Казанской губернии, а затем ТАССР – А.Н. Нехотьев) много позднее вспоминал в автобиографии, что в городе Симбирске, в гимназию которого он поступил на девять лет позднее, чем Владимир Ульянов, существовал кружок из гимназистов и семинаристов. Благодаря деятельности этого кружка молодежь к окончанию гимназий и семинарий была достаточно хорошо знакома с историей революционного движения, произведениями Герцена, Чернышевского, Писарева, имевшимися переводами работ Маркса (см.: Партархив Татобкома КПСС, ф. 15, оп. 2, ед. хр. 413, л. 379 об.).

нового понимания личности преступника, причин преступности, принципов и методов уголовного наказания.

Обращают на себя внимание научные исследования студентов, заканчивавших университет в рассматриваемый период времени. Так, интересные и злободневные вопросы были подняты К. Лаврским и С. Вожакиным в их диссертациях «Сельский пролетариат в России» и «Значение труда в народном обычном праве». Автор исследования о сельскохозяйственном пролетариате с позиций буржуазного юриста рассматривал интересующую его прослойку русского рабочего класса. Однако К. Лаврский вынужден был признать, что тема, им избранная, непосильна по своей трудности и обширности и малодоступна для ученой разработки³⁶. Интересные проблемы были подняты и в исследовании С. Вожакина³⁷.

Довольно активную деятельность развернуло юридическое общество при Казанском университете, которое занималось не только научными проблемами, но и обсуждением законопроектов, поступающих в его адрес из различных ведомств и учреждений³⁸.

Особого внимания заслуживает тот интерес, который ученые юридического факультета Казанского университета проявляли к местным особенностям обширного Казанского края (Поволжья, Приуралья), особенностям социально-экономического и правового характера. Интерес этот впервые проявился уже при образовании камерального отделения. Стремясь улучшить организацию этого отделения, ученые юридического факультета разработали и представили в 1848 г. новый учебный план отделения, а в объяснительной записке среди задач его указали такую, как ознакомление «со свойствами и характером инородцев, подвластных Русской державе, со степенью их гражданственности, с их бытом, обычаями, занятиями»³⁹. Ряд ученых факультета более позднего периода – профессора А.М. Осипов, С.М. Шпилевский и др. – активно участвовали в разработке некоторых вопросов мусульманского права (в целом изучение ислама и шариата было сосредоточено на историко-филологическом факультете), внесли свой вклад в подготовку международного съезда ориенталистов в конце 70-х гг.⁴⁰ В научно-исследовательских работах студентов юридического факультета постоянно присутствуют краеведческие темы⁴¹. Свои предложения о необходимости исследования правовых обычаев местного населения юридический факультет высказал в период 1894–1898 гг. в связи с разработкой и введением в действие новых учебных планов⁴². К сожалению, это интересное

³⁶ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 621, л. 7 об.

³⁷ Там же, ед. хр. 697, л. 11–18.

³⁸ Юридическое общество при Казанском университете, объединившее правоведов-ученых с юристами-практиками и земскими деятелями, возникло в 1879 г.. Подробнее см.: *Тельберг Г.* Историческая записка об учреждении и деятельности Казанского юридического общества за первые двадцать пять лет его существования (1879–1903). Казань, 1906.

³⁹ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 211, л. 41 об.

⁴⁰ Там же, ед. хр. 511, л. 68; ед. хр., л. 2; ед. хр. 559, л. 34–35.

⁴¹ Вот неполный перечень этих тем: «История Пензенской губернии до 1801 года», «Об организации управления киргизским народом, подчиненным государственной власти России», «Рождаемость населения Казанской губернии в сравнении с рождаемостью Европейской России и государств Западной Европы», «Землевладение в Казанской губернии», «Экономическое положение крестьян Бугурусланского уезда Самарской губернии по данным земской статистики» (см.: ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 547, л. 49, ед. хр. 622, 628, л. 79).

⁴² Так, в ответ на указание министерства о введении в учебный план факультета обязательного курса гражданского права прибалтийских губерний («Остзейское право») ученые факультета представили следующие соображения: 1) первостепенное значение для русских университетов имеет изучение русского гражданского права, тогда как изучение местных законов не столько требуется, сколько допускается; 2) поскольку в России имеется много народностей, живущих по своим законам или обычаям, то изучать все эти законы и обычаи нет возможности, но делать при этом исключения для одного только Остзейского права нет никаких оснований. При этом ученые факультета высказывают следующую интересную мысль: если в Западном крае нужны юристы, знающие Кодекс Наполеона, в Туркестане и на Кавказе – знатоки местного права, то для юристов всего Среднего и Нижнего Поволжья и значительной части азиатских губерний желательным является знакомство с мусульманским правом. «Многочисленное мусульманское население, – говорится в этом документе, – живя своей обособленной жизнью, требует нередко особо внимательного отношения к нему со стороны местной администрации и судебных деятелей. Таким образом, для студента... Казанского университета несомненно полезнее было бы ознакомиться с правовыми нормами, действующими среди местного татарского, башкирского и киргизского населения и прослушать курс мусульманского права..., чем слушать

и нужное предложение не нашло претворения в жизнь, ибо в корне противоречило политике царизма, веками приучавшего русский народ «видеть в других народах нечто низшее, нечто «по праву» принадлежащее Великокорсии...»⁴³.

Подавляющая часть профессорско-преподавательского состава юридического факультета Казанского университета на рубеже XIX–XX веков в своих политических устремлениях не поднималась выше требований конституционной монархии. Если для ранних буржуазных революций типа английской (середина XVII в.) подобное требование было революционным, то на фоне предпосылок первой русской революции оно становилось задачей лишь общедемократического характера. Но и подобные устремления представителей русского буржуазного общества были опасны для царского самодержавия, свидетельствуя о кризисе всей его политической системы. Поэтому уже в самом начале 1905 г. последовало министерское предписание о «должном» поведении профессорско-преподавательского состава «в тяжелое время, переживаемое Отечеством». Предписание предупреждало против того, что «отдельные представители преподавательского персонала высших учебных заведений... и коллегиальные органы сих последних позволяли себе не раз за последнее время... осуждение не только отдельных правительственных распоряжений, но еще к тому же и осуждение самого государственного устройства империи»⁴⁴.

Революционные события 1905–1907 гг. выявили подлинные политические настроения и преподавателей и студентов юридического факультета Казанского университета. Основная часть профессоров и преподавателей представляла собой «золотую середину», которой в равной степени были страшны крайности как подлинно революционных элементов общества, так и реакционных⁴⁵. Вполне понятно, что умеренные, конституционно-демократические убеждения и симпатии этой группы преподавателей вызывали критику и «справа» и «слева». Так, группа черносотенно-монархической студенческой молодежи, хотя и была немногочисленной, ожесточенно критиковала таких преподавателей, обвиняя их «в принятии на себя роли иуд русского просвещения». Нападая на университетскую автономию, отстаиваемую передовыми преподавателями и учеными, студенты-черносотенцы «возмущались» тем, что именно благодаря этой автономии с университетских кафедр «стали литься панегирики пролетариату между опытами по физике, толками о каноническом праве, разъяснениями русских говоров»⁴⁶.

Студенчество Казанского университета, в том числе и прогрессивно настроенные студенты-юристы, широким фронтом выступало против тех университетских порядков и всей системы высшего образования, которые закрывали доступ широким кругам русской молодежи в университеты, лишали студентов необходимых материальных условий существования, не давали возможности приобщения студенческой молодежи к подлинной науке⁴⁷. Многие отри-

курс одного из партикулярных немецких прав...» (ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 839, л. 1–5). Любопытно, что, мотивируя это свое мнение, ученые факультета ссылались на положительный опыт профессора Осипова, который якобы уже в 1894 г. включал в учебный план факультета необязательный курс мусульманского права (там же, л. 8). Однако иных материалов, подтверждающих этот факт, обнаружить не удалось.

⁴³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 159.

⁴⁴ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1109, л. 41.

⁴⁵ Наиболее «левые» позиции среди преподавателей-правоведов занимал в эти дни уже упоминавшийся А.И. Елистратов, разделявший многие из требований революционной социал-демократии, за что ему пришлось понести и определенную кару: в период революции он подвергся денежному штрафу со стороны казанского губернатора за публичное высказывание радикальных политических взглядов, а в 1908 г. был «освобожден» попечителем от преподавания (см.: ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1164, л. 47).

⁴⁶ Британ И. Наша профессура // Казанский телеграф. 1907. 8 апр. № 4244.

⁴⁷ Как совершенно справедливо указывает исследователь революционного движения казанского студенчества А.А. Элерт, «постоянная борьба с нуждой, которую приходилось вести демократическим слоям студенчества, порождала у них ненависть к самодержавию» (Элерт А.А. Очерк студенческого движения в Казани накануне революции 1905–1907 гг. Казань, 1961. С. 17). Низкий уровень материальной обеспеченности студентов констатировали и сами профессора Казанского университета (см.: Ответы совета Казанского университета на вопросы министра народного просвещения по устройству университетов. С. 21).

пательные стороны университетской жизни связывали они с «благодушной» политической настроенностью основного костяка профессорско-преподавательского состава. Так, в одной из газетных заметок того времени студент-юрист Н.С. Соколов писал: «Стены университета пестрят объявлениями: «Нужна статистика Каблукова», «Лекции по государственному праву Ивановского», «Финансовое право Ходского» и т.д. Завтра, быть может, экзамен, готовиться не по чему, и *volens-nolens* откладывается экзамен до осени. Совет же профессоров факультета спокойно зрит и внимает. Ибо эта нужда студенчества не насущна, не неотложна! Лежат и специальные денежки университета в ожидании момента, когда профессора попросят себе командировку, отъезжая на лето в «ученое» турне»⁴⁸.

Особую ненависть значительная часть студенчества питала к профессорам с ярко выраженными реакционными взглядами. На юридическом факультете к числу таких принадлежали М.И. Догель и В.Ф. Залесский. К ним же студенты относили и князя П. Ухтомского, который, хотя и не преподавал в университете, но был связан с ним через юридическое общество, председателем которого состоял в рассматриваемое время. Когда студенты попытались использовать трибуну этого общества для пропаганды своих взглядов и требований, Ухтомский лишил их права публичного выступления. Этот факт послужил толчком для написания студенческой листовки 9 марта 1904 г., представляющей собой своеобразный политический манифест революционного студенчества, в котором реакционные ученые и политические деятели типа Догеля и Ухтомского были заклеены как «подлые царские лакеи», играющие на руку «дикому самодержавию»⁴⁹. Конкретно в адрес Догеля, преподававшего международное право, студенты писали: «Догель доказывает прелести самодержавия, неустрашимость, желательность и необходимость войны... Мы хотим не войны, а свободы, и мы будем бороться за нее»⁵⁰.

Вследствие обостренных отношений студентов-юристов с наиболее ненавистным для них профессором Залесским возникло специальное «дело о частных лекциях профессора В.Ф. Залесского», датированное 1907 г. Залесский был не просто монархист и юдофоб, а воинствующий черносотенец, один из основателей Казанского отделения черносотенного союза под названием «Царско-Народное Русское общество», издатель газеты «Черносотенец». В свободное от академических занятий время он разъезжал по соседним городам, где на его публичные выступления собирались реакционные элементы. К чести ученых юридического факультета Казанского университета следует отнести их почти поголовное враждебное отношение к Залесскому. Если в первые годы пребывания его на факультете в формировании этого отношения играли роль его личные отрицательные качества: «высокомерие, признание себя умнее всех, резкость, гордость, неспособность переносить обиды и непреодолимая потребность отвечать на них по принципу талиона»⁵¹, то в последующий период большинству коллектива профессоров и преподавателей факультета претили его откровенно черносотенные устные и печатные выступления и активная реакционно-шовинистическая деятельность. Редкое заседание совета факультета, на котором присутствовал Залесский, проходило без осложнений.

Совершенно непримиримо повело себя студенчество юридического факультета по отношению к этому «махровому» реакционеру. Собравшись на сходку 14 октября 1905 г., первокурсники вынесли решение по ряду наболевших вопросов студенческой жизни, которое приняло форму коллективного заявления; центральным пунктом его было следующее положение: «Мы, студенты и слушатели I семестра юридического факультета, собравшись... в количестве 85 человек, заявляем декану... что:

⁴⁸ Соколов Н. Плоды автономии. Посвящается Загоскину и К. // Казанский телеграф. 1907. 3 апр. № 4239.

⁴⁹ См.: Элерт А.А. Указ. соч. С. 81, 82.

⁵⁰ Цит. по кн.: Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 годов в Татарии. М.: Наука, 1965. С. 62.

⁵¹ См.: Залесский В.Ф. Опыт характеристики. Оттиск из журнала «Мирный труд». Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского при Казанском государственном университете, ед. хр. 3614, л. 1–39.

1. Лекций г. Залесского... решили не слушать...»⁵². Учитывая сложную обстановку, совет факультета решил пойти навстречу требованиям студенчества и отменил чтение лекций Залесского (по энциклопедии права) в текущем году с перенесением их в следующий учебный год. Однако Залесский, в нарушении этого, пожелал продолжать чтение лекций у себя на дому, хотя желающих слушать их было не более трех-пяти человек; дома же он принял и экзамены у этих студентов, причем ассистировал ему не кто иной, как профессор Догель.

Сложное положение, в которое Залесский поставил факультет, прочитав учебный курс фактически для трех-пяти человек и приняв от них экзамены, стало предметом рассмотрения не только самого совета факультета, но и министра народного просвещения. Поскольку Залесский в письменном заявлении на имя декана факультета указал, что и в будущем году он будет вести свои академические занятия только таким образом, ибо получил анонимное письмо от студентов с угрозами против его жизни в том случае, если он явится для чтения лекций в университет, то министр предписал совету университета «озаботиться предоставлением профессору Залесскому соответствующего помещения и принятием мер к ограждению как названного профессора, так и его слушателей от каких-либо насилий несочувствующих его направлению студентов»⁵³.

В этот период к решению некоторых факультетских вопросов стали привлекаться представители студенчества, что было несомненной уступкой ему со стороны преподавателей. К числу таких вопросов относились распределение стипендий, составление расписания занятий и др. Однако уже осенью 1907 г. Министерство народного просвещения, обеспокоенное этим проявлением студенческой самостоятельности, потребовало от университетского начальства соответствующих объяснений. В министерском запросе говорилось, в частности, что «по имеющимся сведениям, распределением экзаменов на юридическом факультете Казанского университета и допущением к оным заведует студенческая организация, которая в данном случае руководствуется особыми, чуждыми интересам преподавания соображениями, причем исходящие от подобного органа распоряжения нередко встречают поддержку со стороны факультета»⁵⁴. Показательно, что именно в это время был наконец положительно решен и вопрос об организации студенческого научного кружка, общего для всего юридического факультета. Инициативу в создании такого научного студенческого общества проявили сами студенты еще в первые годы XX века, однако активная деятельность кружка началась только в революционный период⁵⁵.

По-разному складывалась политическая деятельность и преподавателей юридического факультета. Одни примкнули к реакции, другие пошли на сговор с царизмом в рамках урезанного «народного представительства». Основные законы 1906 г. и урезанное «народное представительство» вполне отвечали их внутренним политическим убеждениям⁵⁶. Так, например,

⁵² ЦГА ТАСС, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1109, л. 54. Заявление-подлинник подписано делегатами сходки С. Юрьевым, Вл. Серебряковым, Ник. Шевниным.

⁵³ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1144, л. 1–8.

⁵⁴ Там же, ед. хр. 1175, л. 2.

⁵⁵ С соответствующей просьбой об учреждении такого кружка (первоначально – для занятий гражданским правом) студенты обратились к Г.Ф. Шершеневичу. В письме указывалось, что «с целью развития в студентах научной самостоятельности и расширения их научных интересов, а также в видах сближения студентов между собою и профессорами на почве общих интересов – образуется при Юридическом факультете студенческий кружок...». Далее были приложены правила, выработанные для деятельности кружка самими студентами. До 1903 г. вопрос решался в высших сферах – у попечителя, затем – министром. Однако в 1904 г. подобное коллективное прошение студентов последовало вновь, после чего кружок и начал свою деятельность. В отличие от первоначально проектировавшейся организации, когда предполагалось, что руководитель кружка по представлению декана должен назначаться попечителем, в новых условиях руководитель кружка избирался самими студентами – членами кружка из числа преподавателей факультета (см.: ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1007, л. 1–26).

⁵⁶ Так, например, один из окончивших юридический факультет Казанского университета, представляя письменное сочинение для получения диплома 1-й степени, с удовлетворением писал, адресуясь к профессору-государствоведу В.И. Ива-

в конспекте по финансовому праву приводился краткий обзор росписи государственных доходов и расходов России на 1908 г. Уже сам анализ росписи заставлял критически задуматься над расходованием государственных средств: из общей суммы расходов в 2 317 550 тыс. руб. 500 млн предназначалось на оборону, около 138 млн – на гражданское управление, около 19 млн руб. – на тюрьмы и полицию, столько же на сохранение церкви и духовенства, свыше 16 млн. руб. – на содержание царского двора. В заключение конспекта говорилось: «Стоит только поверхностно взглянуть на эту роспись, чтобы сразу же сказать, что на непроизводительные расходы у нас тратятся сотни миллионов, а на... производительные – ... жалкие сотни тысяч...»⁵⁷. Но даже и такая постановка острых вопросов российской действительности была исключением. Правовая наука пыталась убедить студентов в непознаваемости таких явлений, как государство и право, подобно тому, как представители исторической науки утверждали, что историческая наука до сих пор не имеет «абсолютного критерия ценности исторических фактов»⁵⁸. Профессор государственного права юридического факультета В.В. Ивановский в инструкции аспиранту («профессорскому стипендиату») Н. Васильеву писал:

«Построение цельной системы учения о государстве, в качестве науки социологической, не представляется в настоящее время возможным», в силу чего рекомендовалось «пока останавливаться на предварительных понятиях этой науки»⁵⁹.

Интересную картину социального и национального состава студентов-юристов начала XX века, их религиозных, политических, научно-литературных взглядов дало анкетирование, проведенное кабинетом статистики юридического факультета в 1907 г.⁶⁰

Для подавляющей части опрошенных студентов характерными были следующие моменты их духовно-политического развития: 1) атеизм (хотя вопрос об официальном вероисповедании показал наличие 500 студентов православных, 19 иудеев, 7 католиков, 6 армяно-грегориан, 3 магометян, но вопрос о внутренних религиозных чувствах дал совершенно неожиданную картину: 228 человек не исповедовали вообще никакой веры, 89 человек были убежденными атеистами, 72 опрошенных уклонились от ответа на вопрос)⁶¹; 2) интерес части молодежи к учению Маркса (124 человека из 538 давших полные ответы на все вопросы анкеты)⁶²; 3) глубокие симпатии к таким прогрессивным писателям России того времени, как Андреев (253 человека), Горький (249), Чехов (146), Толстой (97), Короленко (80), Куприн (32), Вересаев (20)⁶³.

Ответы на вопросы, связанные с политическими убеждениями студенчества, показали преобладание в его массе социалистических идей (с различными мелкобуржуазными оттенками). Так, 63% всех опрошенных показали себя сторонниками социалистов-демократов, социалистов-революционеров, просто «социалистов», «левых», а 30% студентов-юристов при-

новскому: «Невольно вспоминаю Ваши слова, многоуважаемый профессор, сказанные два года тому назад, при заключении общего обзора государственного устройства России: «Будем надеяться, что Россия находится на пути к конституционализму» (ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1245, листы не нум. (автор работы – присяжный поверенный Д. Фридман, тема сочинения: «Важнейшие особенности Государственной Думы как нижней палаты России»)).

⁵⁷ См.: Конспект по финансовому праву. Ответы на билеты, составленные применительно к программе по финансовому праву по Янжулу и Озерову. 1908. С. 82–83.

⁵⁸ Именно об этом заявил в своей вступительной лекции профессор В.К. Пискорский 30 октября 1906 г. (см.: *Пискорский В. О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории* // Ученые записки Казанского университета. 1907. Т. 74. Кн. 1. С. 4, 5).

⁵⁹ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1172, с. 4.

⁶⁰ С конца XIX века при юридическом факультете Казанского университета были организованы и начали действовать учебные кабинеты статистики, гражданского и уголовного права.

⁶¹ См.: Студенчество юридического факультета Казанского университета в религиозном, научном, политическом и общекультурном отношениях по анкете 1 ноября 1907 г. Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского при Казанском государственном университете. Ед. хр. 7294, л. 22–24.

⁶² Там же, л. 25.

⁶³ Там же, л. 27.

держивалось правых политических позиций; по социальному признаку это были преимущественно дворяне, по религиозному – православные⁶⁴.

В целом же социальный состав юридического факультета (на основании данных анкетирования) вплоть до Октябрьской революции представлял собой следующую картину: выходцы из среды дворянства, офицерства и чиновничества составляли около половины студенчества; во вторую половину входили дети так называемых почетных граждан, купцов, мещан, цеховых, духовенства и крестьянства.

Как бы ни были условны некоторые критерии, принятые при данном анкетировании, результаты его весьма показательны для уяснения тех глубоких сдвигов, которые характерны были для русского общества в целом и студенчества в частности в этот исторический период. В сложных условиях того времени не университетская наука, а сама жизнь формировала мировоззрение студенческой молодежи, ее научные и политические симпатии, определяла будущие жизненные рубежи.

Именно тогда в стенах юридического факультета Казанского университета обучались люди, которые впоследствии, в условиях Октябрьской революции внесли свой личный вклад в жизнь советской России, в развитие ее правовой науки. В числе первых можно назвать Я.С. Шейнкмана – руководителя Казанской большевистской партийной организации и Казанского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в период 1917–1918 гг., А.Н. Нехотяева – первого комиссара юстиции (сначала Казанской губернии, а затем – ТАССР), А.Ф. Мухитдинову – деятеля советской юстиции в ТАССР и РСФСР.

Отечественная правовая наука знает такие славные имена бывших студентов-юристов Казанского университета, как А.А. Пионтковский-младший, Б.Б. Черепяхин, В.С. Ундревич, Д.М. Генкин, М.М. Агарков. Питомцем юридического факультета Казанского университета рассматриваемого периода был и профессор А.Т. Бажанов, прошедший большой трудовой путь от скромного служащего Наркомата юстиции ТАССР до первого декана юридического факультета после его восстановления в стенах университета в 1952 г., доктора юридических наук, заслуженного юриста РСФСР.

⁶⁴ Там же, л. 29–30.

§ 2. Зарождение научных юридических школ в Казанском университете

Частичные и в большей степени показательные реформы в начале XIX столетия в России несомненно способствовали появлению в мировоззрении и трудах некоторых русских ученых либеральных тенденций. Борьба прогрессивных и реакционных идей во многом обусловлена духом того времени.

После подавления восстания декабристов в России устанавливается полицейский режим беспробудной реакции во всех областях общественной жизни. Наука, литература и просвещение были поставлены под особый контроль «собственной его величества канцелярии» третьего отделения. Но в темной ночи реакции не переставали звучать выстрелы по крепостничеству и деспотизму, отзвуки которых докатывались до далекой провинции Российской империи. Горячими защитниками самоуправления и свободы в 30–40-х гг. XIX столетия выступили так называемые просветители, идеи которых были проникнуты «горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области»⁶⁵. В более поздний период самыми последовательными критиками верноподданнического либерализма и глашатаями коренного преобразования русского общества явились революционные демократы, чья деятельность предопределила в дальнейшем широкое социал-демократическое движение пролетариата и крестьянства.

Среди ученых юридического факультета Казанского университета дооктябрьского периода можно видеть профессоров-реакционеров, службистов царского самодержавия, обычных преподавателей, опасавшихся за свою карьеру и не высказывавших мыслей вслух, наконец, просто бездарей в юриспруденции. Естественно, честь Казанскому университету делают не они – в его стенах работала плеяда ученых, боровшихся за передовую, прогрессивную науку. В данном параграфе преследуется цель показать борьбу прогрессивных идей с идеями реакционными, а также привести те гуманистические положения, которые развивались в Казанском университете до Октября и ценность которых не утрачена до настоящего времени.

Наряду с буржуазными правоведами юридический факультет Казанского университета знает и других, взгляды которых навеяны идеями Французской буржуазной революции и впоследствии «просветительством». Среди них следует прежде всего назвать И.А. Финке, который начал чтение своих лекций в октябре 1809 г. Вскоре он стал первым деканом нравственно-политического отделения (юридического факультета). Финке долгое время не решался читать естественное право (до 1813 г.) и вел вначале курс положительного права древних и новых народов. Со всей присущей ему тщательностью и строгостью к научно-педагогической деятельности Финке усиленно работал над учебником по естественному праву. Его книга «Естественное, частное, публичное и народное право» вышла на русском языке в 1816 г.; она явилась первым произведением по правоведению, напечатанным в Казани.

Финке был представителем школы естественного права, которая в период разложения феодального общества и борьбы буржуазии за власть, несмотря на свою метафизичность, сыграла известную положительную роль. В учении о естественном праве выражались относительно прогрессивные и даже революционные для той эпохи идеи, отрицающие божественный характер государства и права. Представители естественно-правовой школы доказывали, что государство является результатом соглашения, договора людей и должно обеспечить торжество разума.

⁶⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 519.

Свою книгу Финке посвятил героям, «лишившимся здоровья на поле чести и славы» в войне против наполеоновских войск. Самого Наполеона он рисует как тщеславного, упрямого, коварного и жестокого человека, вторгшегося в пределы земли русской, чтобы ниспровергнуть и разрушить то, к чему «народы от века в век глубочайше сохранили благоговение». Финке имеет в виду мир и спокойствие людей, установленное естественными законами⁶⁶.

Книга Финке состоит из пяти разделов. Во введении содержится определение основных понятий и общее учение естественного права. Первая часть посвящена частному естественному праву, вторая – естественному государственному праву, третья – естественному гражданскому и четвертая – естественному народному праву.

Касаясь определения права, Финке популяризирует идеи Канта о различении нравственного закона и закона юридического⁶⁷. Законы нравственности основаны на свободном внутреннем сознании долга, а «высочайшее правило закона юридического может быть не другое какое, как определение внешней свободы всех»⁶⁸. Он и в дальнейшем следует Канту в его весьма сложной и во многом неопределенной классификации права.

Отличая естественное право от положительного по абсолютности и «безусловному достоинству» его предписаний, Финке говорит о его полезности философу, законодателю и политику. Полезность естественного права заключается, в частности, в том, что оно помогает избежать запутанности и произвола, служит вспомогательным средством при толковании положительного права и источником пополнения пробелов в законодательстве, составляет часть положительного права, когда сам законодатель на него ссылается⁶⁹.

В государственном состоянии человек подчинен естественному государственному праву и естественному гражданскому праву. Первое регулирует отношения между государственной властью и подданными, второе – отношения граждан между собой. Здесь же действует еще и народное право, определяющее отношения государств и народов между собой⁷⁰.

Финке – сторонник договорной теории происхождения государства. Он излагает ее в духе Канта и Руссо, указывая на договор не как на исторический факт, а как на некую идею, помогающую объяснить возникновение государства. В той же части, где договоры действительно существуют, они «поставлены не свободною общею волею народа, но внушением, влиянием и силою господствующей партии»⁷¹.

Пропаганда Финке естественно-правовых теорий в таком варианте, сходном с идеями Руссо или, например, Радищева, имела в России того времени поистине прогрессивное значение. Объявление всех людей свободными и равными «по праву» от рождения никак не вязалось с царскими крепостническими порядками. Впоследствии, как известно, под флагом естественно-правовых идей декабристы вышли на Сенатскую площадь. Финке, понятно, не мог открыто выступить за свержение тиранов, он говорит о повиновении «начальствам и государям», но напоминает об идеях Французской революции и не отрицает их⁷².

9 июня 1815 г. экстраординарным профессором по кафедре прав древних и новых знатнейших народов утверждается Г.И. Солнцев.

К чтению общетеоретического курса «Начальные основания естественного частного, публичного и народного права» он приступил в 1820–21 учебном году. Тетради этих лекций

⁶⁶ Финке И.Х. К патриотам. Казань, 1814.

⁶⁷ Финке И.Х. Естественное, частное, публичное и народное право. Казань, 1816. С. 1–2.

⁶⁸ Там же. С. 3.

⁶⁹ Там же. С. 11–13. Нужно заметить, что современные представители естественно-правовых теорий указывают на эти цели естественного права в совершенно противоположных задачах, с целью оправдать произвол буржуазных судей и администрации, их отказ от принятых ранее законов.

⁷⁰ Там же. С. 11, 235.

⁷¹ См.: Финке И.Х. Естественное, частное, публичное и народное право. Казань, 1816. С. 117–118.

⁷² Там же. С. 119–120.

состоят из введения и трех частей: 1) о праве естественном частном; 2) о праве естественном публичном или государственном; 3) о праве естественном народном. Содержание лекций во многом обусловлено влиянием книги Финке, в переводе которой Солнцев принимал известное участие. Однако его лекции более осторожны, часто со ссылками на святое писание, хотя в основе их и лежат идеи светского варианта естественно-правовых теорий.

Во введении дается понятие права и его классификации. Правом в объективном смысле Солнцев называет «совокупность законов, наши свободные действия ограничивающих», а право в субъективном смысле «есть нравственная возможность свободно располагать своими действиями..., чтобы оные сообразны были с повелениями нравственного закона»⁷³.

По мнению Солнцева, наука естественного права исследует начала здравого разума, на которых основывается природа человека. Но здесь же он добавляет, что здравый разум не может внушать чего-либо противного божеским законам.

Выделяя в естественном праве соответствующие части и давая им характеристику, Солнцев следует другим представителям естественно-правовых теорий. Особо необходимо обратить внимание на то, как определяет Солнцев права личности. Под правом личности он понимает право быть и почитаться лицом, имеющим собственные цели, а не вещь, не средством для целей других людей. В нем заключается право на существование и самосохранение; право на усовершенствование своего внутреннего состояния, т.е. на развитие ума, сердца и сил телесных; право на усовершенствование внешнего состояния, т.е. на материальное обеспечение своего существования; право естественной свободы, право равенства; право на исполнение своих нравственных обязанностей; право на уважение доброй славы, т.е. свободы от обид и оскорблений⁷⁴.

Подобные взгляды, конечно же, не гармонировали с крепостническими порядками самодержавной России. Но либо в качестве дани ей, либо специально для прикрытия своих подлинных взглядов (скорее – второе) Солнцев частенько обращается к «верховному законодателю» – Богу, предупреждает против «необузданной вольности и буйства» как следствия «французского революционного сумасбродства», выступает против «вооруженного чудовища, именуемого народная вольность и равенство».

При оценке высказываемых Солнцевым положений очень важно иметь в виду, что тетради по естественному праву тщательно готовились им для представления своим обвинителям.

Государство Солнцев определяет в духе учения Аристотеля, т.е. соединяет естественно-правовые воззрения с патриархальной теорией. Он видит государство как совокупность многих семейств и родов, соединенных под управлением государственной власти для обеспечения внутреннего благоденствия и внешней безопасности. Поэтому следует полагать, что он обратился к священному писанию по вопросу о происхождении государства (нет власти не от Бога), чтобы подготовиться к предстоящему суду.

Менее всего известен Солнцев как криминалист. Только в 1907 г. в Ярославле вышла в свет его книга «Российское уголовное право», представляющая собой обработанный текст лекций перед студентами Казанского университета. Во вступительной статье редактор книги профессор Демидовского юридического лица Г.С. Фельдштейн называет данный курс первым оригинальным научным курсом русского уголовного права. Ни один из предшественников Солнцева не выполнил столь успешно такой большой работы⁷⁵.

⁷³ Тетради лекций профессора Солнцева. Л. 6. Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского при Казанском государственном университете.

⁷⁴ Тетради лекций профессора Солнцева. Л. 50 и сл.

⁷⁵ См.: Солнцев Г. Российское уголовное право (Казань, 1820). Ярославль, 1907. С. XXVI.

В обстановке «той мертвящей среды и губительных условий, среди которых приходилось работать Солнцеву»⁷⁶, пропаганда подлинно прогрессивных идей являлась научным подвигом. В чем же состояли главные из его идей?

Целью уголовной политики Солнцев объявляет безопасность граждан и благоденствие государства. То и другое возможно лишь в «законном состоянии», «сие состояние есть состояние политического равенства и свободы»⁷⁷.

Далее, со ссылкой на наказ Екатерины II, он раскрывает содержание свободы и равенства: «Свободы граждан состоят в возможности делать все то, что каждому хотеть надлежит и чтобы не быть принужденным того делать, чего хотеть не должно. Равенство в том состоит, чтобы каждый пользовался своим правом, не стесняя законной свободы других и чтобы каждый гражданин подвержен был равномерно силе одних законов»⁷⁸.

В полном согласии с названными понятиями, не ограничиваясь формальной стороной (противоречие уголовному закону), Солнцев определяет преступление как «внешнее, свободное, положительными законами воспрещаемое, деяние, безопасность и благосостояние государства или частных его граждан, посредством или непосредственно, нарушающее и равномерное наказание за собой для преступника влекущее»⁷⁹.

Заслуживают внимания криминалистов представления Солнцева о наказании, относительно прогрессивные и гуманные по тому времени⁸⁰. Взять, например, его требование законности действий и недопустимости произвольного толкования законов. «Если на какое-либо деяние, – пишет Солнцев, – нет ясного законоположения уголовного, а оным причиняется нарушение прав чьих-либо, в таком случае судья не имеет права полагать произвольного наказания, но в сомнительности случая испрашивает на то разрешение от высшего правительства»⁸¹. «...Без суда, – говорит он далее, – никто не наказывается, без исследования и суда ни у кого не отнимают чести и имущества, противное тому будет почитаться не приговором судебным, но насилием гражданину причиненным и оскорблением гражданской свободы»⁸².

Нужно заметить, что приведенные идеи имеют своих авторов, которых Солнцев не называет; он лишь пропагандирует их теории. Тот же Г.С. Фельдштейн дает этому вполне вероятное, на наш взгляд, объяснение. Цензурные условия и тот факт, что Солнцеву пришлось самому пройти горькую школу русской действительности, заставляли его с весьма понятной целью избегать ссылок на иностранных вольнодумцев, заменяя всякие цитаты указанием на наказ Екатерины II⁸³.

Профессор Солнцев в результате ревизии, произведенной Магницким, был обвинен в вольнодумстве и предан суду. Его судили за «оскорбление Духа Святого Господня и власти общественной». Университетский суд постановил: «Удалить его навсегда от профессорского звания и впредь никогда ни в какие должности во всех учебных заведениях не определять». В обвинительном приговоре, в частности, говорилось, что Солнцев «смешал откровенное в Евангелии Божественное учение с мнениями человеческими, проистекающими из поврежденного разума...»⁸⁴.

⁷⁶ См.: Солнцев Г. Российское уголовное право (Казань, 1820). Ярославль, 1907. С. XXVI.

⁷⁷ Там же. С. 1

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 54.

⁸⁰ Там же. С. 104, 109, 169 и др.

⁸¹ Там же. С. 107.

⁸² Там же.

⁸³ См.: Солнцев Г. Российское уголовное право... С. XIV. Как известно, изложение вопросов уголовного права и судопроизводства, приведенное в наказе, заимствовано Екатериной у видного итальянского юриста Ч. Беккарна.

⁸⁴ Цит. по: Залесский В.Ф. История преподавания философии права в Казанском университете в связи с важнейшими данными внешней истории юридического факультета. Казань, 1903. С. 80.

Впоследствии, когда сам Магницкий был вынужден уйти в отставку, когда был введен новый университетский устав, разумеется, ни свободы преподавания, ни тем более свободы выражения своих научных идей ученые не получили. Устав 1835 г. требовал сословного характера образования и, главное, был направлен против передовых политических влияний⁸⁵. Естественное право как специальный предмет упраздняется. Не без связи с европейскими революционными событиями 1848 г. в Казанский университет поступило распоряжение царского правительства о сокращении программ преподавания некоторых политических и юридических наук. Попечитель Казанского университета рекомендовал, со своей стороны, удалять все «излишнее», все «неуместное», «все могущее служить хотя косвенным и неумышленным поводом к заблуждению умов неопытных...»⁸⁶.

Несмотря на жесткий режим преподавания, прогрессивные ученые продолжали борьбу против схоластики и мракобесия в науке. В числе таких ученых нужно прежде всего назвать Д.И. Мейера, пропагандировавшего в Казани произведения Белинского, смело выступавшего в своих лекциях против крепостного строя, используя университетскую кафедру для воспитания молодежи⁸⁷.

Деятельность Мейера высоко ценили Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов. Чернышевский называл его одним из лучших профессоров правоведения в России⁸⁸.

Если большинство профессоров того времени читали свои лекции в отрыве от юридической практики и русской действительности, ограничиваясь простым изложением действующих законоположений, то Мейер стремился к выяснению общих основ развития права, к преподаванию в тесной связи с развитием общественных отношений и существующими воззрениями русской науки.

Пробуждение юридической науки, ее возникновение непосредственно связывается Мейером с успехами общественного развития и законодательной деятельности⁸⁹. Но ученый прямо выступал против того, чтобы знание законов выдавалось за науку⁹⁰. Служение законодателю не может принести надлежащей пользы без «ясного сознания юридических начал, которыми управляется общественный труд»⁹¹.

Мейер находился в кругу идеалистических воззрений исторической школы права. Однако это не помешало ему высказать ряд ценных идей и выводов. В некоторых из них он поднимается прямо-таки до материалистического объяснения отдельных правовых явлений. Говоря, например, о зависимости юридических наук от действующих законов, Мейер указывает, что содержание последних определяется имущественным бытом в государстве. Имущественный быт определяется законами удовлетворения потребности человека вещами, которые составляют предмет политической экономии⁹².

Будучи решительным противником сословного неравноправия, Мейер пишет: «Напрасно пытаются иные представить деление граждан на сословия общечеловеческой необходимостью, напрасно пытаются различие прав по состоянию свести к человеческой природе: она не знает неравенства прав, а представляет только неравенство людей по их силам, способностям, понятиям – неравенство, не имеющее никакой логической связи с неравенством прав по состоя-

⁸⁵ История Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 1954. С. 20.

⁸⁶ Залесский В.Ф. История преподавания... С. 330.

⁸⁷ Вульфсон Г.Н., Бушканец Е.Г. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1850–1861 гг. Казань, 1905. С. 22.

⁸⁸ Чернышевский Н.Г. Сочинения М., 1949. Т. 2. С. 782–783.

⁸⁹ Мейер Д. О значении практики в системе современного юридического образования. Казань, 1855. С. 8.

⁹⁰ Там же. С. 9.

⁹¹ Там же. С. 3.

⁹² Мейер Д. Русское гражданское право. 1915. С. 4–5.

ниям. Не природа человека, а исторические условия развития гражданских обществ создают сословное различие граждан...»⁹³.

В определении права Д.И. Мейер остался на позициях исторической школы права, хотя представление о праве как духовном богатстве нации, на наш взгляд, интересно. «Право, – пишет он, – есть духовное достояние целой нации, неразрывно связанное со всем нравственным ее существом, и вырабатывается из массы воззрений ее на отношение людей между собою, к вещам и обществу»⁹⁴.

Д.И. Мейер явился основателем казанской школы цивилистов.

Многие его идеи, как наиболее передовые и прогрессивные, намного опередившие правовую мысль западных ученых, вошли в сокровищницу русской науки гражданского права. Это отрицание им теории авторского права как права частной собственности, исследование о юридических фикциях, введение новой системы гражданского права и обоснование метода его изучения, учение о семейных отношениях и др.⁹⁵

Будучи видным ученым-цивилистом, Мейер сделал много для развития не только русской науки гражданского права, но и для международного частного права.

Известно, что в своих лекциях по русскому гражданскому праву Д.И. Мейер, касаясь действия закона относительно времени, места и лиц, анализировал коллизионные нормы⁹⁶. Хотя в данном разделе изложение некоторых отдельных проблем международного частного права носило еще схоластический характер, оно имело значение, поскольку было первым изложением вопросов международного частного права в русской юридической литературе⁹⁷.

Вопросы международного частного права затрагиваются Мейером и в ряде других его работ, в частности, в его произведении «Юридические исследования относительно торгового быта Одессы».

В 1850 г. Д.И. Мейер отправился в Одессу с целью собрать необходимые данные для разработки новой отрасли науки – торгового права, а также познакомиться с методикой преподавания юридических наук в Ришельевском лицее Одессы. В своем донесении Совету Казанского университета Мейер писал: «Как тамошнее торговое сословие представляет смесь людей различных наций, различного образования и с различными юридическими воззрениями, то представляет наблюдателю разрешение задачи, каким образом образовалось и установилось обычное право сего торгового сословия, содержится ли в этом праве стихия национального, преобладающая над другими стихиями, и которой именно принадлежит такой перевес». Все это в глазах Мейера имело бесспорно научное значение. Совет университета утвердил составленную им программу научных изысканий. Результатом поездки были «Юридические исследования относительно торгового быта Одессы». В этой работе обращают на себя внимание не столько специальные моменты, сколько общий подход автора, его высокая оценка правовой науки. Мейер считает, что повязка на глазах богини правосудия – самая нелепая эмблема, ибо «юридический случай есть подлежащая рассмотрению задача», для разрешения которой требуется «утонченное изощрение духа», «употребление самых точных технических приемов...»⁹⁸.

⁹³ Мейер Д. Русское гражданское право. 1915. С. 73.

⁹⁴ Мейер Д. О значении практики в системе современного юридического образования. С. 6.

⁹⁵ Более подробно о его деятельности в области науки гражданского права см.: Певзнер Г.С. Д.И. Мейер – выдающийся цивилист // Ученые записки Казанского университета. 1956. Т. 116. Кн. 13.

⁹⁶ Русское гражданское право. Чтение Д.И. Мейера. Изд. 10. Петербург, 1915. С. 30–34. Мейер, кстати, приводит довольно любопытный по тому времени пример о конфликтах законов местожительства. «...Так, – пишет он, – ни одно европейское законодательство не признает рабства, а потому негр-невольник, прибывший в Европу, не признается рабом, а принимается за лицо свободное» (там же. С. 31).

⁹⁷ Луиц Л.А. Международное частное право. М., 1949. С. 71.

⁹⁸ Мейер Д.И. Юридическое исследование относительно торгового быта Одессы. Казань, 1855. С. 4.

Вся деятельность Мейера оказала большое влияние на группировавшееся вокруг него передовое студенчество и на передовых ученых университета. Научно-педагогическая работа ученого в области гражданского права оставила глубокий след в развитии этой науки, а в той части, которая связана с коллизионными нормами, имела важное значение для возникновения русской науки международного частного права.

Подъем русской прогрессивной науки протекал в острой борьбе передовых ученых университета против представителей так называемой официальной реакционной науки. Творческая научная мысль прогрессивных ученых пробивала путь русской науке через все препятствия, чинимые реакционерами⁹⁹.

Видную роль в создании русской науки международного частного права и развитии институтов международного публичного права сыграл ученик Мейера – Николай Павлович Иванов, закончивший Казанский университет в 1860 г. со степенью кандидата юридических наук. Для приобретения степени кандидата им была представлена работа под названием «Дипломатическая практика западноевропейских государств во 2-й половине XVII столетия»¹⁰⁰. Научное наследие Н.П. Иванова значительно обогатило русскую науку международного права.

Получив хорошие знания и по гражданскому, и по международному праву, Н.П. Иванов был подготовлен к тому, чтобы заняться научным исследованием актуальных проблем международного частного права, выдвинутых самой жизнью¹⁰¹. Его сочинение «Основание частной международной юрисдикции» является первой работой в русской науке международного частного права, где дана самостоятельная теория коллизионного права¹⁰². Отличаясь замечательной ясностью и точностью языка¹⁰³, книга содержит убедительную критику западноевропейских теорий международного частного права того времени. Придя к выводу, что ни одна из этих теорий не может быть безусловно принята в науке права, Иванов выдвинул собственную теорию международной юрисдикции.

Исходная позиция Н.П. Иванова состоит в том, что принцип государственной самостоятельности, с одной стороны, и обязанность взаимного общения наций – с другой, являются двумя основными началами международной жизни¹⁰⁴. Ученый выступает страстным защитником принципа суверенитета государств: «Самостоятельность есть самое священное и дорогое право для государства... каждое государство имеет полное право и даже обязанность отстаивать свою самостоятельность всеми зависящими от него средствами, лишь бы через то не была нарушена самостоятельность других государств»¹⁰⁵.

Международный союз, по мнению Иванова, состоит из равноправных субъектов – независимых государств¹⁰⁶, которые должны находиться во взаимном общении. Отстаивая принцип международного сотрудничества, Иванов гневно обрушивается на те страны, политика которых направлена на отказ от общения с другими государствами. «Государство, – пишет он, – которое стремится к отчуждению от всех других государств, есть всеобщий враг для человечества и недостойно самого имени государства»¹⁰⁷.

⁹⁹ Шофман А.С. Из истории Казанского университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 1954. С. 5.

¹⁰⁰ ЦГА ТАССР, ф. 977, ед. хр. 10502, л. 1.

¹⁰¹ В.Э. Грабарь в своем известном произведении «Материалы к истории литературы международного права в России» согласился с тем, что к изложению начал международного частного права Н.П. Иванов был вдохновлен лекциями цивилистов (см.: Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 331).

¹⁰² Луиц Л.А. Международное частное право. С. 71.

¹⁰³ Аннотация на эту книгу содержится в «Московских университетских ведомостях» (1886. № 6. С. 533).

¹⁰⁴ Иванов Н.П. Основание частной международной юрисдикции. Казань, 1865. С. 21.

¹⁰⁵ Там же. С. 20.

¹⁰⁶ Там же. С. 22.

¹⁰⁷ Иванов Н.П. Основание частной международной юрисдикции. С. 21.

В книге дано четкое разграничение между международным публичным и международным частным правом и определение последнего.

Международное частное право, подчеркивает Иванов, определяет юридические отношения между частными лицами, принадлежащие различным государствам или же возникшие за границей¹⁰⁸. Через всю книгу проходит мысль, что каждое государство, будучи по природе своей равноправным с другими государствами, решает коллизию прав по собственному усмотрению. Конечно, было бы наивно ожидать от либерального буржуазного ученого подлинно научной разработки основных принципов науки коллизионного права. Этой книге присуща классовая ограниченность, как и остальным работам Иванова. Неоднократно он, например, ссылается на «основание разума» как один из факторов установления известных юридических норм для взаимных сношений государств.

Но важно подчеркнуть, что при всех своих недостатках труд Иванова «Основание частной международной юрисдикции» положил фактическое начало развитию русской науки международного частного права.

Другая работа Н.П. Иванова «Характеристика международных отношений и международного права в историческом развитии» является его магистерской диссертацией. Она была враждебно встречена представителями официальной науки международного права того времени, что не было случайностью. Достаточно рассмотреть основные положения, выдвинутые и отстаиваемые ученым, чтобы стало ясно, почему представители казенной науки не могли с ними согласиться. Сдержанными и скупыми в оценке этой магистерской диссертации были и отзывы официальных оппонентов во время ее защиты¹⁰⁹.

Прошло около ста лет после выхода книги Иванова в свет, а ценность многих ее положений сейчас очевидна. Прежде всего следует иметь в виду, что это не обычный курс международного права, в котором рассматриваются все его институты, какими были обычно аналогичные курсы и что это в то же время не история международного права, какой были работы Каченовского, Стоянова и т.д.

Произведение Иванова представляет собой оригинальное исследование основных институтов международного права в их историческом развитии. Ученый предполагал впоследствии продолжить работу над книгой и издать ее вторую часть, специально посвященную вопросам права войны, однако сделать ему это не удалось. Как и подавляющее большинство русских международников, профессор Н.П. Иванов решительно выступает против, так называемых, нигилистов, отрицавших за международным правом характер права. Особенно много нигилистов было тогда среди немецких авторов. Наиболее распространенным доводом их была ссылка на отсутствие надгосударственной международной власти. Иванов пишет по этому поводу, что отсутствие общей власти служит в международном праве причиной существования особенных, своеобразных способов охранения международного права, но все-таки не отвергает его¹¹⁰.

Эта идея об особенных, своеобразных способах «охранения» международного права нашла впоследствии свое развитие в интересной теории видного русского юриста Коркунова.

Выступив против тех, кто отрицал международное право, и предложив свою теорию понятия международного права, Иванов справедливо отмечал, что отвергать международное право – значит противоречить очевидным фактам действительной жизни. В этой связи большое внимание уделяет он освещению принципа суверенитета и вновь подчеркивает, что государственная самостоятельность составляет вообще конечную цель политического развития каждой нации и что в международном союзе отдельные государства находятся в положении

¹⁰⁸ Там же. С. 6.

¹⁰⁹ Отзыв профессора А.М. Осипова напечатан в «Ученых записках Казанского университета» (1874. № 6. С. 472, 475).

¹¹⁰ См.: Иванов Н.П. Характеристика международных отношений и международного права в историческом развитии. Казань, 1874. С. 15.

юридического равенства. Высказывания Иванова о юридическом равенстве государств – участников международного общения перекликались с известными положениями русских революционных демократов. Прогрессивный ученый не случайно выделяет этот момент при характеристике основных принципов международного права. Дело в том, что в 70-х гг. прошлого столетия (как и в современной практике стран западного мира) бесправие многих государств, их юридическая и фактическая зависимость от империалистических хищников представляет собой вопиющее нарушение общепризнанных начал международного права.

Факт существования самостоятельных государств Иванов объясняет с идеалистических позиций и видит причину этого существования в законе естественной необходимости. В то же время он резко обрушивается на идею образования единого всемирного государства, широко выдвигавшуюся в прошлом некоторыми западными теоретиками. (Следует отметить, что это положение особенно распространено и в настоящее время в американской литературе по международному праву.)

Н.П. Иванов считает, что образование единого всемирного государства было бы нарушением закона естественной необходимости, что «всемирное государство могло бы возникнуть лишь путем чрезвычайного насилия и поддерживаться им»¹¹¹.

Само собой разумеется, что монография Иванова не лишена недостатков. Главные из них определяются ограниченностью мировоззрения автора. Так он, хотя и выдвигал ряд прогрессивных идей, все же был и оставался буржуазным ученым, отсюда и неправильная точка зрения на возникновение международного права, и отрицательное отношение к принципу политического народовластия и неверное представление об источнике международного права, который Иванов видел в юридическом убеждении государств, и т.п.

В то же время Иванов верил в прогрессивное развитие международного права и видел его задачу в том, чтобы способствовать «всеобщему благосостоянию народов». Недаром он заканчивает свою книгу известными словами французского просветителя Монтескье о том, что международное право в своем развитии стремится вообще к тому, чтобы «нации во время мира, насколько это возможно для них без вреда для собственных прав и интересов, оказывали друг другу наиболее добра и во время войны наименее зла»¹¹².

Яркой фигурой в истории правовой мысли на юридическом факультете Казанского университета был А.Г. Станиславский.

Еще будучи студентом, Станиславский вместе с семьё товарищами был переведен из Киевского университета в Казанский за причастность к делу польского революционера Ш. Канарского, стоявшего во главе революционной организации «Союз польского народа» и расстрелянного царским правительством в 1839 г.¹¹³ Станиславскому и остальным его землякам предписывалось в течение 10 лет находиться в великороссийских губерниях и не дозволялся «приезд в западные губернии во время нахождения в университете и по службе»¹¹⁴. Несмотря на все эти трудности, Станиславский закончил университет и благодаря своим незаурядным способностям был оставлен «для приготовления к профессорскому званию». Он очень нуждался материально и даже после написания диссертации на степень магистра не мог сразу ее защитить, так как не имел средств на ее опубликование. Заявляя на факультете о том, что он не в состоянии выполнить одного из обязательных требований – напечатания диссертации, Станиславский писал, что «невозможность эта происходит от совершенного недостатка средств не только к понесению подобного рода издержек, но и к содержанию самого себя»¹¹⁵.

¹¹¹ Иванов Н.П. Характеристика международных отношений. С. 17.

¹¹² Там же. С. 181.

¹¹³ Канарский был одним из организаторов «молодой Польши». Будучи одно время в эмиграции в Париже, издавал газету, выступавшую за совместную революционную борьбу польского и русского народов.

¹¹⁴ ЦГА ТАССР, ф. 977, юридического факультета, 1839, ед. хр. 10, л. 1.

¹¹⁵ ЦГА ТАССР, ф. 977, юридического факультета, 1839, ед. хр. 8, л. 11.

Станиславский является одним из видных представителей философии права в Казанском университете. В курсе своих лекций он определяет право как совокупность условий, необходимых для выполнения разумных целей бытия при посредстве деятельной воли человека. Это совокупность условий разумной жизни единичных людей и человеческого общества. Целью права является благо. Но в отличие от морали, целью которой тоже является благо, к области права относятся только внешние стороны в действиях людей. Право обособлено от морали, хотя и не должно противоречить ей¹¹⁶.

«Коренной, первоначальный источник положительного права, – пишет Станиславский в полном согласии с идеями исторической школы, – есть народное сознание, есть дух народа, его воззрения и убеждения»¹¹⁷. Выражением народных убеждений является и государство, а потому правом является не только то, что исходит от государства. Источниками права являются обычаи, законодательство, юриспруденция. Станиславский подчеркивает, однако, активную роль законодательства и признает, что «полное бытие права возможно только в государстве»¹¹⁸, ибо последнее охраняет его.

Государство, по мнению Станиславского, нельзя назвать обществом естественным, самую природою данным как семейство и народ; оно должно рассматриваться как продукт человеческой воли¹¹⁹. Такое понимание государства приводит автора к отрицанию в качестве источника права общечеловеческих убеждений, основывающихся на единстве человеческого рода. Аргументируется это отсутствием общего органа, осуществляющего постоянную, правильную, а не случайную и только физическую, охрану права и его осуществления¹²⁰.

Интересны соображения Станиславского о соотношении общественного бытия и законодательства, высказанные им в речи на торжественном собрании Казанского университета 8 июня 1853 г.: «Как совокупность правил, определяющих явления общественной жизни, законодательство по всей справедливости может быть рассматриваемо как самое верное ее отражение»¹²¹. И далее:

«Развитие законов идет, так сказать, рука об руку с развитием самого общества», «каждому моменту в развитии данного государства соответствует непременно такой же момент в развитии его законодательства»¹²².

Итак, в этих положениях подчеркиваются та и другая стороны взаимосвязи общественной жизни и права:

зависимость права от развития общественных отношений и активное воздействие права на них.

По выходе Станиславского в отставку (1879 г.) кафедра энциклопедии права оставалась вакантной. Лекции по данному курсу временно читал специалист по истории русского права профессор Н.П. Загоскин. Его лекции слушал студент В. Ульянов (впоследствии – Ленин)¹²³.

В 80-х гг. XIX столетия профессор Казанского университета Загоскин снискал себе известность как один из прогрессивных профессоров-либералов. Не случайно, обращаясь к студентам-первокурсникам, в числе которых был и молодой Ленин, он говорил: «Вы избрали юридическое образование, этим самым вы взяли на себя высокую цель, цель жизни, которая

¹¹⁶ Изложение дается в книге В.Ф. Залесского «История преподавания философии права в Казанском университете...» (С. 353 и далее).

¹¹⁷ Станиславский А. О происхождении положительного права. Харьков, 1856. С. 48.

¹¹⁸ Там же. С. 23–24.

¹¹⁹ Там же. С. 15–16.

¹²⁰ Там же. С. 21–22.

¹²¹ Станиславский А. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. СПб., 1853. С. 8.

¹²² Там же. С. 9.

¹²³ См.: Иванова З.Д. Юридический факультет Казанского университета в период пребывания на нем В.И.Ленина // Ученые записки Казанского университета. 1956. Т. 116. Кн. 13 С. 8.

будет заключаться в проведении идеи правды в народ...»¹²⁴. И далее он указывал, что университет готовит людей, «способных разумно и сознательно проводить в жизнь идею правды, а не казуистов, способных ловить рыбу в мутной воде российских законов»¹²⁵.

Следуя лучшим традициям преподавания в Казанском университете, Загоскин обличает средневековую схоластику, богословие, которое сковывало мощь, беспредельность и силу человеческого разума¹²⁶. Но критика его основывается на позициях либерала-буржуа.

Раскрывая содержание государственно-правовых явлений, Загоскин использует идеи самых различных авторов. Подобно Станиславскому, он определяет право как совокупность условий разумной жизни отдельных людей и общества. Сославшись на Канта, он пишет далее, что право, обуславливая сферу проявления свободной воли во внешнем мире, создает для отдельных лиц известные ограничения проявлений этой свободной воли в интересах общества¹²⁷. Это объективное право.

Правом в субъективном смысле является все то, что дозволяется свободной воле субъекта при ее проявлении во внешнем мире¹²⁸.

Критикуя идеи исторической школы за крайности ее основных концепций, Загоскин принимает их в определении источников права¹²⁹. Он называет право в числе других явлений (язык, религия, наука, промышленность), развивающихся сами по себе¹³⁰. Между тем и появление, и развитие права обусловлено состоянием экономического базиса общества и соответствующими ему социальными отношениями.

Историческое развитие Загоскин видит как последовательный переход от семьи к роду, племени, государству и союзу государств¹³¹. Здесь, как и при определении государства, ученый пропагандирует естественные основы образования государства. Государством он называет «организованный союз людей, живущих на определенной территории под одною общею властью для совокупного преследования различных целей жизни как отдельных единиц союза, так и всего союза». Это определение выдержано в классическом стиле буржуазной юридической науки и скрывает эксплуататорскую сущность государства как особой машины в руках господствующего в обществе класса.

Отличительной чертой развития правовой мысли на юридическом факультете Казанского университета является то обстоятельство, что в обосновании общетеоретических положений в области философии права, государственного, международного права и др. принимали участие представители специальных юридических наук.

Особенно это характерно для профессоров кафедр гражданского права и гражданского судопроизводства, которым одновременно приходилось вести курсы по энциклопедии права, международному праву и др.

Наиболее ярко это взаимопроникновение общетеоретических положений в области права и выводов специальных отраслевых юридических наук нашло свое отражение в исследованиях такого известного ученого-юриста дореволюционной России, как Г.Ф. Шершеневич, научная деятельность которого началась в стенах Казанского университета. Здесь родились идеи и фрагменты его наиболее известных книг, вышедших в свет уже за пределами Казани.

¹²⁴ Загоскин Н.П. Лекции по энциклопедии права, прочитанные в 1886/87 акад. году юристам первого курса. Литография. С. 2.

¹²⁵ Там же. С. 2–3.

¹²⁶ Там же. С. 21.

¹²⁷ Загоскин Н.П. Лекции по энциклопедии права... С. 51.

¹²⁸ См. там же. С. 54.

¹²⁹ См. там же. С. 61, 121.

¹³⁰ См. там же. С. 68.

¹³¹ См. там же. С. 91 и далее.

Г.Ф. Шершеневич оставил после себя 160 монографий, учебников, статей, рецензий и других работ¹³². Его труды отличаются весьма глубоким пониманием государственно-правовых явлений, особенно с точки зрения их юридического анализа. Широкий кругозор и эрудиция автора, его познания в области философии права и доступность изложения сложных теоретических проблем во многом способствовали авторитету его научных исследований.

Шершеневич мало занимался теорией государства. В определении государства он считает характерными признаками три элемента: а) соединение людей; б) господствующую над ними власть; в) территорию как предел действия этой власти¹³³. Однако Шершеневич, говоря о происхождении государства, на первое место ставит такой факт, как «естественное разрастание, сопровождаемое классовым расслоением, которое создает власть в лице экономически сильнейших...»¹³⁴. Затем указываются и иные причины появления государства. Понятие о государстве, говорит он, только одно – социологическое.

Совершенно справедливо Шершеневич считает государство источником права¹³⁵. Последнее, по его мнению, представляет собой нормы, определяющие отношения человека к человеку угрозой на случай нарушения известным страданием, которое будет причинено установленными для этой цели органами государственной власти¹³⁶. Основной признак права автор видит в том, что «юридические нормы обладают организованной защитой»¹³⁷.

Такое определение права содержит все основные признаки, помимо основного, сущностного: право – это совокупность норм, выражающих волю господствующего в обществе класса, волю, которая обусловлена в конечном счете материальными условиями жизни данного класса.

Вместе с тем Шершеневич был очень близок к восприятию материалистической доктрины в обосновании процесса развития права. Он писал: «Когда утверждается, что право развивается, складывается под условием склада экономических отношений, то против этого невозможно возражать с точки зрения исторической действительности»¹³⁸. «Фактически влияние в государстве, – продолжает он далее, – обеспечивается за классом, имеющим наибольшую экономическую силу. Соответственно этому политический порядок складывается всегда в пользу предоставления власти экономически сильнейшему классу»¹³⁹.

Среди причин, которые обусловили появление права, Шершеневич называет: 1) численный рост общественной группы; 2) нарушение однородности группы, в том числе различие по происхождению и богатству; 3) увеличение числа правил, действующих в обществе¹⁴⁰. Для нас важно заметить, что, стараясь охватить целый круг общественных явлений, способствующих появлению права, ученый показывает, как с самого начала право является инструментом в руках более сильных, могущественных, властвующих¹⁴¹.

Критика Шершеневичем некоторых из основных положений учения Маркса покоится на том, будто экономический фактор, по мнению Маркса, является единственной силой в разви-

¹³² Разумеется, в настоящем параграфе мы не претендуем на анализ и характеристику хотя бы главных из них. Произведения Шершеневича нуждаются в специальном разборе. Здесь же поставлена более скромная задача: показать его исходные методологические и общественно-политические позиции, тем более что работам Шершеневича присущи те черты, которые свидетельствуют об ограниченности буржуазной юридической науки.

¹³³ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910. Вып. 1. С. 201.

¹³⁴ Там же. С. 260.

¹³⁵ Шершеневич Г.Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896. С. 74; Общая теория права. Вып. 1. С. 212.

¹³⁶ Там же. С. 73.

¹³⁷ Там же. С. 63.

¹³⁸ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. Вып. 2. С. 494.

¹³⁹ Там же. С. 495.

¹⁴⁰ Там же. С. 501–502.

¹⁴¹ Там же. С. 504–505. «Если бы мы не знали, – пишет автор, – степень экономической культуры какого-нибудь народа, но имели бы данным его право, мы могли бы воспроизвести высоту его экономического развития по правовым данным» (Указ. соч. С. 508). Это лишний раз говорит о понимании им глубокой связи между правом и экономической культурой.

тии права и ничто другое никакого влияния здесь не имеет¹⁴². Отсюда Шершеневич приписывает «экономическому материализму» две «ошибки»: 1) игнорирование идейного фактора и 2) устранение сознательности в творчестве права¹⁴³. Здесь нет необходимости доказывать, что ни то, ни другое марксистами никогда не отвергалось¹⁴⁴.

Будучи либеральным буржуазным ученым, Шершеневич не мог тем не менее не признать, что «Огромной заслугой исторического материализма остается то, что он выдвинул выдающееся значение экономического фактора, что он указал возможность связать «в конечном счете» даже высокие идеи и благородные чувства человека с материальной стороной его существования»¹⁴⁵. «...Экономический материализм представляет собой одну из самых крупных гипотез в учении об обществе, способную лучше всего объяснить массу общественных явлений»¹⁴⁶, — пишет он далее.

Неоднократно Шершеневич отдавал предпочтение социалистическим теориям перед консервативными и реакционными. Говоря, например, о разнице между социалистами и анархистами, он называет социализм голосом обездоленного большинства, протестующего против господствующего меньшинства, голосом, который стремится сплотить силы слабых в овладении государственной машиной с целью преобразования права, в то время как анархизм вырывает у слабых всякую надежду на государство и право¹⁴⁷.

«Право, — пишет Г.Ф. Шершеневич, — есть сильное орудие, опасное в одних руках, благодетельное в других. Топором можно срубить лес для постройки избы, но топором можно и человека убить. Все дело в том, чтобы право, как и топор, находилось в таких руках, в которых орудие оказалось бы полезным, а не опасным.

На исторической очереди стоит принцип социалистический, а не анархический...»¹⁴⁸.

Шершеневич был страстным пропагандистом знаний о праве. Особенную реакцию вызвала его публичная лекция «О чувстве законности», прочитанная в Казани 10 марта 1897 г. В ней, в частности, содержались некоторые критические замечания в адрес русской действительности. Говоря о том, что чувство законности стоит в прямой зависимости от общественной среды, Шершеневич указывал: «Если же человек живет в такой среде, где одно лицо соблюдает закон, а другое смеется над ним, когда соблюдать ему не выгодно, где сегодня издается закон, чтобы завтра о нем уже забыли, — там не может развиться привычка поступать постоянно в согласии с законом, а следовательно, нет почвы для развития чувства законности»¹⁴⁹. Архаичность, сложность и недоступность царского законодательства для трудового народа — один из объектов его критики в данном выступлении¹⁵⁰.

К числу прогрессивных юристов дореволюционной России, идеи и прогрессивные взгляды которых использовались в установлении и создании системы нового советского права, принадлежит профессор Казанского университета А.А. Пионтковский¹⁵¹.

¹⁴² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 1. С. 123.

¹⁴³ Там же. С. 497.

¹⁴⁴ См. письмо Ф. Энгельса к Г. Штаркенбургу от 25 января 1894 г. (Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М.: Госполитиздат, 1953).

¹⁴⁵ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 1. С. 125.

¹⁴⁶ Там же. С. 125–126.

¹⁴⁷ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 2. С. 358.

¹⁴⁸ Там же. С. 367.

¹⁴⁹ Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности. Казань, 1897. С. 10.

¹⁵⁰ Там же. С. 12–13.

¹⁵¹ Более подробно взгляды и работы А.А. Пионтковского анализируются в специальном очерке, помещенном в сб.: Новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1961.

Андрей Антонович Пионтковский прибыл в Казанский университет 4 января 1899 г. В 1900 г. за сочинение «Условное освобождение» ему присуждается степень доктора уголовного права. С января 1900 г.

он работает ординарным профессором по кафедре уголовного права и судопроизводства, занимает должность секретаря юридического факультета, а с 1911 г. до самой смерти, 25 декабря 1915 г. (7 января 1916 г.), был деканом факультета.

Аналитический ум и широта взглядов позволили Пионтковскому по-новому подойти к задачам науки уголовного права. Будучи страстным поборником социологического направления в этой науке, он однако не ограничивал изучение уголовного права каким-либо одним методом. Поскольку само уголовное право мыслилось им в качестве неразрывной связи криминологии, пенологии, уголовной догматики, то и методы изучения его, соответственно, предлагались различные: социологический, уголовно-догматический, уголовно-политический¹⁵².

Позже ученые предпринимают шаги к более углубленному развитию каждой из отмеченных частей науки уголовного права. И сейчас, в плане новых научных поисков, труды А.А. Пионтковского не утратили своего значения.

Рассматривая преступление как социальное явление, как результат сложного взаимодействия самых разнообразных факторов: физических, социальных и индивидуальных, Пионтковский придавал большое значение криминологическому изучению причин преступности, процесса развития и образования преступных явлений. Большой интерес представляют его высказывания о роли индивидуально-психологических свойств личности, в частности психофизиологических дефектов, в формировании преступных намерений. Психофизиологические дефекты правонарушителей слагаются, по его мнению, «с одной стороны, под влиянием тех условий внешней среды, среди которых им приходится развиваться, а с другой стороны, под влиянием неблагоприятной наследственности, представляющей не чем иным, как застывшим влиянием условий той внешней среды, в которой приходилось жить и развиваться тем поколениям, от которых эти организации происходят»¹⁵³.

Социальные условия формирования личности преступника являются, по мнению Пионтковского, основополагающими. При этом социальные условия внешней среды могут выступать и как непосредственные причины преступлений и как обстоятельства, способствующие им.

Пионтковский подходил к задачам и целям наказания в полном соответствии с пониманием преступления и преступности. Наказание не сводилось только к возмездию, оно выступало как мера борьбы с преступлением и определялось в зависимости от характера преступления и личности самого преступника¹⁵⁴. Ученый обосновал ряд прогрессивных положений по разным проблемам науки уголовного права, он внес особенно большой вклад в развитие институтов условного осуждения и условного освобождения и поэтому был заслуженно признан отцом условного осуждения в России.

Та и другая проблемы были впервые разработаны Пионтковским на самой серьезной основе. Известно, однако, что реакционное большинство Государственного Совета отвергло институт условного осуждения, усматривая в нем подрыв авторитета власти. Условно-досрочное освобождение было введено в царской России в очень скромных масштабах. Тот и другой институты нашли широкое применение только после Октябрьской революции 1917 г.

А.А. Пионтковский был большим гуманистом в вопросах о средствах борьбы с преступностью. В специальном исследовании «Смертная казнь в Европе» он со всей страстью гуманиста делает категоричный вывод о том, что «казнь представляется мерою не только излишней, ненужной, беспомощной, но и вредной, опасной и в этическом отношении недопустимой».

¹⁵² Пионтковский А.А. Уголовное право (пособие к лекциям). Часть общая. Казань, 1913. С. 2–4.

¹⁵³ Там же. С. 7.

¹⁵⁴ Пионтковский А.А. Уголовное право (пособие к лекциям). Часть общая. Казань, 1913. С. 2–4.

Глава 2

Общетеоретические научные воззрения в Казанском университете: проблемы государства и права

§ 1. Теория естественного права И.-Х. Финке и ее влияние на государственное устройство и систему права России

Одним из выдающихся ученых-юристов Казанского университета был Иоганн-Христофор (Иван Арнольдович) Финке (1773–1814 гг.).

Будучи уроженцем германского города Геттинген, где он получил образование и защитил в 1798 г. «диссертацию на степень доктора прав», И.Х. Финке в 1809 г. приехал в Россию и начал работать в Казанском университете. В 1814 г. он был избран деканом отделения нравственных и политических наук. Сфера его научных интересов была весьма широка. Например, она включала в себя как римское право, так и уголовное судопроизводство¹⁵⁵. Немалое место в этом спектре занимало *учение о естественном праве*, некоторые положения которого оказали влияние на развитие государства и права в России. Стоит отметить, что чтение курса по естественному праву И.Х. Финке начал лишь в 1813 г. (до этого он преподавал курс положительного права), а в 1816 г. было издано его произведение «*Естественное, частное, публичное и народное право*»¹⁵⁶.

Что же представляла собой его естественно-правовая концепция? Насколько она могла быть применена на практике? Ответ на этот вопрос предполагает анализ основных элементов данной теории.

Во взглядах И.Х. Финке прослеживается влияние И. Канта в том, что касается соотношения нравственного и юридического законов. Для того чтобы лучше понять эту связь, обратимся к некоторым основным положениям знаменитого профессора Кенигсбергского университета.

Человек, в представлении И. Канта, наделен автономной волей, позволяющей ему действовать свободно, не подчиняясь внешним факторам – природной необходимости, божественному предопределению, эгоистическим устремлениям и желаниям. Если в природном мире властвует причинность, когда одно явление с необходимостью порождается другим, то человек как разумное существо способен свободно руководствоваться в своем поведении только тем законом, который провозгласил его разум – нравственным законом.

Так в философское учение И. Канта был введен «категорический императив» – безусловное и ничем не обусловленное требование разума вести себя определенным образом. Категорический императив как абсолютное моральное веление интерпретировался И. Кантом двояко: во-первых, «... поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь полагать, чтобы она стала всеобщим законом»¹⁵⁷; во-вторых, «... поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился к нему, как к средству»¹⁵⁸.

Приведенные формулировки, будучи абстрактными и лишенными чувственного содержания, тем не менее применимы к конкретным отношениям. Совершая тот или иной посту-

¹⁵⁵ См.: Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819): рассказы по архивным документам Н. Булича. Казань: Тип. Императорского университета, 1891. Ч. 2. С. 49–51, 54, 57–59.

¹⁵⁶ См.: Финке И.Х. Естественное, частное, публичное и народное право. Казань: Тип. Императорского университета, 1816.

¹⁵⁷ Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4. М., 1965. Ч. 1 С. 280.

¹⁵⁸ Там же. С. 270.

пок, человек должен помнить, что аналогичным образом могут поступить и остальные. Следуя этому правилу, человек может самостоятельно выбирать линию собственного поведения, нравственный характер которого в этом случае не будет вызывать сомнений. Такое поведение основано на принципе всеобщего равенства и на исключении всякой возможности использования одного человека в интересах другого.

Необходимо понимать, что реализация выведенного И. Кантом правила возможна при наличии свободы осуществления голоса «практического разума». Хотя свобода присуща человеку отнюдь не всегда, она лежит в основе реализации категорического императива. Часто она перерастает в произвол, ограничить которое призвано право. Оно регулирует внешнее поведение людей и обеспечивается принудительной силой государства. Это далеко не все положения сложного и многогранного учения И. Канта, однако они позволяют выделить нравственную основу природы человека, а также определить внутреннюю и внешнюю сферы регулятивного воздействия.

И.Х. Финке, используя схожие теоретические конструкции, писал следующее. По его мнению, *нравственный закон предполагает наличие внутренней свободы или свободы воли*, при этом высочайший нравственный закон должен основываться на правилах, определяющих «высочайшее благо человека, его внутреннюю и внешнюю свободу». Что касается юридического закона, то его «высочайшее правило может быть не другое какое, как определение внешней свободы всех»¹⁵⁹.

Таким образом, он исходил из того, что человек есть разумное существо, следующее в своем поведении нравственному закону. Нравственный закон основывается на «внутреннем достоинстве» человека и может побуждать его к определенным действиям, вопреки внешним причинам – чувственности, склонности, отвращению (такой закон И.Х. Финке называл этическим). Этим утверждением развивалась известная мысль И. Канта о том, что воля человека автономна, не подчинена механизму чувственной мотивации и может действовать наперекор ему¹⁶⁰.

Такой нравственный закон, по мысли И.Х. Финке, определяет внутреннюю свободу или свободу воли, когда разум человека может оторваться от эгоистических, личных пристрастий, способен вольно и самостоятельно принимать решение. При этом сфера внутренней свободы, подпадающая под действие этического закона, правом не регулируется, а потому не входит в предмет правоведения.

Вместе с тем поведение человека направляется не только нравственным законом, но и внешними побудительными мотивами. В этом случае нравственный закон (называемый в данном случае юридическим), не исключая полностью внешние факторы воздействия на человека, очерчивает границы его внешней свободы – «возможности по свободному произволению располагать своими внешними действиями»¹⁶¹.

Здесь необходимо учитывать еще один момент. *Внешняя свобода признается И.Х. Финке правом каждого*. Поэтому главная задача юридического закона состоит в том, чтобы определить пределы этой свободы так, чтобы при реализации ее одним человеком «ни мало не была стесняема внешняя свобода других». Истоки подобной идеи он находит не только у И. Канта, но и у его предшественников: Гуго Гроция, Христиана Томазия¹⁶².

Иными словами, нравственный закон (выступающий в двух своих ипостасях – как этический и юридический), являясь универсальным и всеобщим, закрепляет и оберегает главную ценность человека – внутреннюю и внешнюю свободу.

¹⁵⁹ См.: *Финке И.Х.* Естественное, частное, публичное и народное право. Казань: Тип. Императорского университета, 1816. С. 2–3.

¹⁶⁰ *Философия: учебник для вузов / Под общ. ред. В.В. Миронова.* М.: Норма, 2008. С. 120.

¹⁶¹ См.: *Финке И.Х.* Указ. соч. С. 2.

¹⁶² См. там же. С. 3, 19–22.

Он также вслед за И. Кантом утверждал, что единый источник права и морали – практический разум человека, проводя при этом различие между ними. Действие морали охватывает область внутренних побуждений человека, тогда как право регламентирует внешние проявления его поведения.

Опираясь на представление о нравственном законе как подлинном регуляторе поведения человека, И.Х. Финке определял право в субъективном смысле как нравственную возможность что-либо делать или не делать, а обязанность – как нравственную необходимость к действию или бездействию. При этом автором особо подчеркивалась взаимная связь прав и обязанностей, предполагающая, что лишь при их совместной реализации возможна всеобщая внешняя свобода.

Обратим внимание, что И.Х. Финке также отмечал возможность применения принуждения для защиты прав, говоря при этом, что несправедливость препятствует не только своей (т.е. отдельного субъекта), но и общей внешней свободе. В контексте принуждения он разводил внутренние (основывающиеся на добродетели) и внешние обязанности. Последние являются предметом юридического закона¹⁶³.

Подобные высказывания не являются чем-то новым в современной юридической науке. Понимание предмета правового регулирования через призму общественных отношений, включающих поведение и деятельность, является устоявшимся. Однако не стоит забывать, что рассматриваемые идеи описывались в первой четверти XIX века при качественно ином политическом и правовом развитии общества. К тому же уточнение данных положений необходимо для полного понимания всей его концепции.

Рассматривая естественное право, И.Х. Финке отводил ему определенное место в системе наук. В частности, он писал о философии права как о науке, заключающей то, что практический разум постановляет законом внешней свободы. Она называется естественным правом. При этом его необходимо отличать от ряда смежных явлений. Во-первых, это нравоучение. В отличие от естественного права, связанного с внешней свободой, нравоучение сориентировано на внутреннюю свободу. Нетрудно заметить, что оно связано с нравственностью. Во-вторых, стоит отметить политику. Трактовка И.Х. Финке здесь также оригинальна: данное понятие он рассматривал как учение о благоразумии, учение о приличных средствах к достижению какой-нибудь цели. Важно отметить, что государственная политика рассматривает способы достижения цели государства, но не саму эту цель. Определение последней – удел естественного права. В-третьих, речь идет о философии положительного права – науке, исследующей положительное право сообразно его цели и законам разума. Она рассматривает его по правилам, выводимым из применения естественного права и политики¹⁶⁴.

Здесь можно сделать некоторые выводы. Система социального регулирования (мораль, естественное право и позитивное право) ложится в основу системы наук. Поэтому понимание естественного права многогранно. Это не просто комплекс существующих априори норм. Это также наука, связанная в какой-то степени с этикой и политологией (в контексте рассматриваемой модели – нравоучение и политика соответственно). Наконец, естественное право должно направлять и определять существование положительного (позитивного) права.

Рассмотрение естественного права предполагает анализ его структуры. В этом плане можно отметить следующее.

В изучаемой концепции И.Х. Финке рассматривается законное отношение человека, которое существует двояко: *естественное состояние и гражданское состояние*. Критерием

¹⁶³ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 4–5.

¹⁶⁴ См. там же. С. 7–8.

разграничения служит отношение к государству. В первом случае гражданин рассматривается вне отношения к государству, во втором – как член какого-либо государства¹⁶⁵.

Как видно, подобно И. Канту и иным представителям естественно-правовой концепции, И.Х. Финке допускал существование гипотетического естественного состояния, характерного для человека вне его отношений с государством. Человеку в естественном состоянии присущи субъективные естественные права. Совокупность таких прав И.Х. Финке, следуя И. Канту и идя вразрез со сложившейся традицией, называл естественным или всеобщим частным правом.

Первоосновой всех естественных прав он считал свободу и равенство. Лицо изначально обладает только одним врожденным правом – свободой, коренящейся в природе человека и позволяющей ему быть независимым в распоряжении своей личностью, не нарушая при этом прав других лиц и не ограничивая себя договорами.

Таким образом, очевидно, почему выделение естественного и гражданского состояния определяет систему естественного права. В частности, на естественном состоянии основывается *естественное (всеобщее) частное право*. Оно, в свою очередь, существует в двух формах. Во-первых, речь идет о безусловном естественном частном праве – совокупности прав и обязанностей, вытекающих из природы человека как свободного разумного существа. Во-вторых, можно говорить об условном естественном частном праве, которое определяет права и обязанности человека при предложении некоторых действий¹⁶⁶.

Что касается гражданского состояния, то на нем *основывается естественное (всеобщее) государственное право и естественное (всеобщее) гражданское право*. Если в первом случае определяются отношения между главой государства и его членами по отдельности, то во втором регламентируются отношения только между членами государства (гражданами) между собой¹⁶⁷. Естественное государственное и гражданское право, подобно естественному частному праву, И.Х. Финке подразделял на безусловное и условное.

Безусловное государственное право, в авторской формулировке, «определяет права и обязанности государства, вообще без всякого отношения к особенной конституции»¹⁶⁸. Иначе говоря, безусловное государственное право устанавливает универсальные принципы организации и осуществления государственной власти. Условное государственное право, определяя права и обязанности государства только в отношении к особенной конституции, фактически закрепляет конкретный порядок организации и реализации государственной власти, присущий той или иной форме правления.

Безусловное гражданское право закрепляет частные права и обязанности граждан, принадлежащие им «вообще» т.е. вне зависимости от совершения ими каких-либо действий. Условное гражданское право содержит правила, определяющие права и обязанности граждан, вытекающие из совершения им каких-либо законных действий¹⁶⁹.

Концепция И.Х. Финке не оставила без внимания и международное правовое регулирование, выделяя на основе всеобщего частного права, применимого к разным народам, *естественное (всеобщее) народное право*¹⁷⁰.

Таким образом, здесь в контексте естественного права видно системное образование особого рода. Оно охватывает международное и национальное право, сочетаясь в последнем с рядом публичных и частноправовых институтов.

¹⁶⁵ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 9–10.

¹⁶⁶ См. там же. С. 10–11.

¹⁶⁷ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 11.

¹⁶⁸ См. там же. С. 125.

¹⁶⁹ См. там же. С. 227.

¹⁷⁰ См. там же. С. 11.

Понимание концепции И.Х. Финке предполагает учет взаимодействия всех рассматриваемых блоков (естественное частное право, государственное, гражданское, народное право). Вместе с тем каждая из этих конструкций может быть вкратце охарактеризована следующим образом.

Безусловное естественное частное право, как отмечалось ранее, вытекает из природы человека, который, будучи физическим и разумным субъектом, может жить физическим и нравственным образом. Поэтому, определяя перечень врожденных прав человека, И.Х. Финке называл права, направленные на совершенствование человека. Цель людей, согласная разуму, полагает автор, состоит в усовершенствовании своей нравственной и физической природы, поскольку это служит основанием внутренней и внешней свободы¹⁷¹. Это предполагает возможность свободного использования своего организма, поддержание его на должном уровне развития. Главное при этом – не нарушать права других субъектов. Кроме того, человеку врожденно принадлежит право свободно распоряжаться своими интеллектуальными способностями, не посягая при этом на свободу других лиц.

По этой же причине человек обладает свободой мысли, совести и религии. Свободу мысли И.Х. Финке определял как право излагать свои мысли и сообщать их другим; свободу совести как «власть действовать сообразно своим нравственным убеждениям»; свободу религии как свободу поступать сообразно своим религиозным убеждениям¹⁷².

Содержание этих юридических свобод не потеряло актуальности и в современном обществе. Так речь идет о возможностях беспрепятственно размышлять и излагать свои мысли, действовать сообразно своим нравственным убеждениям, поступать в соответствии со своими убеждениями в отношении религии.

Поскольку человек как физическое и нравственное существо имеет право на свое существование, то, по мысли И.Х. Финке, к безусловным естественным правам следует отнести и право на пользование предметами внешнего мира (вещами) для достижения собственных целей. Человек волен использовать вещь любым физически возможным способом при условии, что это не нарушает свободу других лиц. Право пользования вещами предполагает и право на их приобретение или присвоение.

В естественном состоянии право пользования и входящее в него право приобретения вещей принадлежит в равной мере всем людям, поэтому И.Х. Финке допускал существование «первоначального права на общность имений»¹⁷³: никто не имеет исключительного права на внешние предметы, но каждый может пользоваться ими, а значит, и приобретать исключительные права на них. Другими словами, следуя И. Канту, он считал, что частное право предполагает предшествующий коммунизм. Однако можно предположить, что общность имений, равно как и само естественное состояние, в концепции И.Х. Финке являлась лишь гипотетическим построением. Собственно, и И. Кант «принимает коммунизм не как историческую действительность, не как эмпирический факт, а как чистую идею разума: может быть, так и не было, но так должно было быть»¹⁷⁴.

В характеристике содержания и пределов реализации неотъемлемых прав человека в естественном состоянии последовательно проводится основной принцип рассматриваемой концепции: «свобода каждого, совместная со свободой других».

Ранее отмечалось взаимодействие блоков модели естественного права И.Х. Финке. В данном случае безусловное естественное частное право необходимо оценивать через призму безусловного государственного права и безусловного гражданского права.

¹⁷¹ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 113.

¹⁷² См. там же. С. 34.

¹⁷³ Там же. С. 37.

¹⁷⁴ Шершеневич Г.Ф. История философии права. 2-е изд. СПб., 1907 (изд. бр. Башмаковых). С. 502.

Думается, что безусловное государственное право описывает саму природу государственной власти, ее роль в обществе. Государство, будучи универсальной политико-правовой организацией, управляет обществом.

Здесь ясно обнаруживаются договорные начала государственности. Подробнее об этом будет говориться далее. Государство является союзом людей, объединившихся для защиты своих прав под управлением государственной власти. Поэтому цель государства – защита прав граждан и обеспечение их внешней свободы. Но счастье и благополучие отдельного гражданина не является целью государства, поскольку это сфера внутренней свободы человека. Государство же охраняет только внешнюю свободу граждан, используя при этом принуждение. Так И.Х. Финке вслед за И. Кантом очерчивает четкие границы вмешательства государства в частную жизнь человека, отводя ему роль защитника прав и свобод и исключая тотальную опеку.

В государственном состоянии человек сохраняет данные ему от природы права. Однако их реализация поставлена в зависимость от соответствия такого поведения целям государства и охраняемым правам других лиц. Взаимодействие основных элементов всей системы естественного права выглядит здесь следующим образом.

И.Х. Финке полагал, что правитель с учетом необходимости достижения цели государства может ограничить или даже уничтожить какие-либо приобретенные права¹⁷⁵. Последние связаны с условным естественным правом, о котором речь будет идти далее. Однако возможны ли подобные ограничения для безусловного естественного права?

Здесь также необходимо вспомнить о естественном гражданском праве. В его рамках отмечается, что «гражданин имеет также как и человек в состоянии природы свои неотъемлемые права, доколе он их не употребляет во зло и не причиняет тем вреда государству или согражданам»¹⁷⁶. Стоит обратить внимание, что подобное ограничение закреплено именно в рамках естественного гражданского права, регламентирующего отношения между членами государства. Здесь не столь сильны вертикальные отношения, больше присущие естественному государственному праву. Возможно, поэтому в данном случае речь идет о пресечении злоупотребления неотъемлемыми правами, а не об активном вторжении в их содержание. Эти положения И.Х. Финке развивал в рассуждениях о безусловном (всеобщем) гражданском праве. В частности, он писал, что гражданин имеет полное право на свое тело и силы, если он не причиняет этим вред гражданам и государству. Что касается душевных способностей, то гражданин имеет полную свободу мысли и совести в юридическом смысле. Главное при этом – не нарушать права граждан и не препятствовать реализации всеобщей государственной цели¹⁷⁷.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что подчеркивается незыблемость, первичность безусловного естественного права. Безусловно, концепция И.Х. Финке излагалась им самым крайне осторожно, в чем-то спорно и противоречиво. Однако если учитывать, что рассматриваемые идеи существовали на рубеже XVIII–XIX веков в Российской империи с господствовавшим самодержавием и крепостным правом, прогрессивность данных идей – налицо.

Далее следует рассмотреть условное естественное частное право. Его основы вытекают из безусловного естественного частного права. Здесь внимание акцентируется на частноправовом регулировании (вещном и обязательственном). В частности, в рамках вещного права рассматриваются институты владения, права собственности, содержание, а также способы их приобретения. Очевидно, что такой подход не случаен. Реализация естественного условного и безусловного права зиждется на понимании человека как свободного индивида. Подлинная свобода возможна при наличии у него имущества, так как в этом случае он не столь зависим

¹⁷⁵ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 126.

¹⁷⁶ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 222.

¹⁷⁷ См. там же. С. 224.

в удовлетворении своих физических потребностей, и может сосредоточиться на нравственном развитии.

Наличие свободы воли является краеугольным камнем частного права в целом и обязательственного права в частности. Видимо, не случайно И.Х. Финке много внимания уделяет договорному праву, рассматривая здесь также виды договоров, условия их действительности и прекращения. Стоит отметить, что среди препятствий действительности договорных обязательств он упоминает ошибку, обман, принуждение или насилие¹⁷⁸. Очевидно, что с точки зрения частного права подобные явления не являются чем-то новым. Однако они свидетельствуют о необходимости проявления свободы – одного из важнейших оснований всей концепции И.Х. Финке.

Не обходит он стороной и наследственное право, включаемое им в систему условного естественного частного права. Здесь опять же бросается в глаза принцип свободы воли, наиболее ярко проявляемый при составлении завещания. Эту мысль И.Х. Финке доводит до логического конца, подчеркивая наличие естественного права при наследовании по завещанию. Отсутствие последнего, по его мнению, делает невозможным связь с естественным правом¹⁷⁹.

Отдельное место в системе условного естественного частного права занимает *естественное общественное право*. Рассуждения об обществах неизбежно заставляют задуматься о качественно новом виде субъектов права. С точки зрения современной науки можно вести речь об институте юридических лиц. Однако применимо к рассматриваемой модели естественного права данные рассуждения требуют некоторых уточнений.

И.Х. Финке понимал общество в двух смыслах. С формальной точки зрения оно представляет «соединение многих людей для достижения общей цели»; в материальном (вещественном) смысле – «совокупность людей, из которых каждый порознь называется сочленом общества; не принадлежащий же к обществу именуется посторонним»¹⁸⁰. Данный подход позволял выделять как самих субъектов, так и связи между ними, что говорит о проявлении основ системного подхода.

Также необходимо учитывать, что в рамках рассматриваемой концепции естественного права общество зиждется на договоре. Здесь можно проводить параллели с государством, которое также основывается на договорных началах.

Какие же общества можно выделить в данном случае? Прежде всего это брак, целью заключения которого является рождение и воспитание детей. Очевидно также то, что брак предполагает наличие брачного договора, закрепляющего права и обязанности супругов¹⁸¹.

Также необходимо отметить церковь, являющуюся основывающимся на договоре обществом, «соединившимся для общественного богослужения»¹⁸². В данном случае также можно увидеть связь между различными частями концепции естественного права И.Х. Финке. Дело в том, что церковь связана с верой, которая сильно сориентирована на внутренний мир человека. Более того, в безусловном естественном частном праве присутствует свобода религии (вероисповедания).

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Безусловное естественное частное право, будучи связанным с природой человека, его физическими и нравственными потребностями, определяет содержание условного естественного права. Например, правовое регулирование имущественных отношений вызвано правом на использование окружающих человека объектов. Закрепление института брака обуславливается правом на продолжение своего рода.

¹⁷⁸ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 47.

¹⁷⁹ См. там же. С. 69–70.

¹⁸⁰ См. там же. С. 79–80.

¹⁸¹ См. там же. С. 90–91.

¹⁸² См. там же. С. 96, 98.

Отсюда же вытекает необходимость регулирования наследственных отношений. Наконец, как ранее отмечалось, правовое регулирование церковных отношений связано со свободой религии.

Применяя метод абстрагирования, можно представить естественное право в целом в виде многоуровневой конструкции, где один уровень взаимодействует и обуславливает необходимость существования другого. Одним из них является условное гражданское право, входящее в систему естественного гражданского права.

Необходимость рассмотрения условного гражданского права обуславливается тем, что оно ограничивает всеобщее естественное право, вводит его в определенные рамки.

Каким образом устанавливаются эти границы? Здесь можно привести следующий пример. И.Х. Финке отмечал, что в гражданском обществе нет места такому способу прекращения права собственности как самовольное отнятие одним субъектом имущества другого. Самоуправство ограничивается судебным разбирательством¹⁸³. Очевидно, что в естественном состоянии каждый сам защищает свое имущество и несет связанные с этим риски. Однако это может провоцировать хаос. Государство вмешивается в эти отношения, вводя их в цивилизованные рамки.

Цель государства – заботиться о всеобщем благе. Если естественное право отклоняется от этой цели, государство его ограничивает. Условное гражданское право – своеобразная форма контроля над естественным частным правом.

Таким образом, естественное гражданское право в концепции И.Х. Финке последовательно воплощает мысль И. Канта о том, что справедливое гражданское управление состоит в сочетании возможно большей свободы с непререкаемой властью¹⁸⁴.

Продолжая анализ взглядов И.Х. Финке, необходимо проанализировать его идеи относительно государства, его природы, функций, назначения.

Государство он определял как «общество людей, соединившихся для защиты всех прав своих под управлением публичной власти, именуемой властью государственной»¹⁸⁵. Безусловно, с точки зрения современной теории государства и права данная дефиниция является спорной. Публичная власть может существовать в разных формах (например, политическая власть). Однако стоит помнить, что в первой четверти XIX века политические системы Российской империи и многих других европейских государств существенно отличались от их современных аналогов. Предложенное определение интересно еще и тем, что выводит на договорные начала образования государства, так как речь идет об объединившихся людях.

И.Х. Финке скрупулезно подошел к анализу этих начал, выделив несколько видов договоров. Во-первых, речь идет о договоре, в котором «народ соглашается составить государство» (договор гражданского соединения). Во-вторых, выделяется договор, «которым определяется конституция государства» (договор гражданской конституции). В-третьих, должен быть договор, «которым определяется правитель» (договор подданства или подчиненности)¹⁸⁶. Таким образом, договорные отношения охватывают основные аспекты возникновения и развития государства: его образование, правовые основы, закрепление формы правления.

Отсюда становится очевидной цель государства. Таковой является защита прав и свобод граждан, их законных интересов. Конечно, цель государства нельзя отождествлять с целью отдельных лиц, равно как государственные интересы не совпадают с интересами отдельных индивидов. Эта идея, вытекающая из рассматриваемой концепции, актуальна и поныне.

¹⁸³ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 229.

¹⁸⁴ Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени. XVI–XVIII вв. и XIX в. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912 (Т-во «Печатня С.П. Яковлева»). С. 266.

¹⁸⁵ См.: Финке И.Х. Указ. Соч. С. 112.

¹⁸⁶ См. там же. С. 121.

Почему же возникает государство? В естественном состоянии каждый защищает свое право сам, отсюда возникает возможность бесконечной войны. Это противоречит самой идее справедливости. Нужен внешний арбитр, способный разрешать противоречия. Люди объединяются потому, что естественное состояние имеет пределы своего развития.

Как известно, у договорной теории происхождения государства есть один существенный недостаток. Ее тяжело подтвердить эмпирически, т.е. найти массовые подтверждения подобного пути возникновения государств. Сама возможность возникновения в этой сфере договорных отношений требует определенного уровня политической культуры, существующего у развитых политических систем. В известной степени это понимал и И.Х. Финке, подчеркивавший, что «почти все государства и государственные конституции были основаны силой и властью»¹⁸⁷.

Трактовка государственной власти в рассматриваемой концепции носит сложный, порой противоречивый характер. С одной стороны, в русле идей И. Канта провозглашается божественный характер государственной власти, необходимость ей повиноваться, что следует из нравственных начал человека. С другой стороны, в рамках безусловного государственного права определяется подчиненность церкви государству¹⁸⁸. С чем это связано? Видимо, здесь проявили себя две причины. Во-первых, имела место общая тенденция западноевропейской политико-правовой мысли, направленная на усиление светских начал. Во-вторых, в России общество было религиозным, но церковь находилась под контролем государства.

В рассуждениях о статусе правителя И.Х. Финке также крайне осторожен. С одной стороны, договорные основы существования государства подчеркивают относительную свободу граждан. Здесь стоит вспомнить повлиявшие на него идеи Ж.Ж. Руссо, лейтмотивом концепции которого является идея народовластия. Суверенитет, по мнению знаменитого французского мыслителя, является исполнением общей воли, только она «может направлять силы государства к общему благу»¹⁸⁹. Схожие идеи можно также найти в трудах И.Х. Финке.

С другой стороны, подчеркивается свобода и независимость правителя, в отношении которого не может быть никакого принуждения¹⁹⁰. В этих положениях ощущается влияние концепции Ж. Бодена. Последний, провозглашая идею суверенной государственной власти, полагал, что суверенитет – это сила, стоящая над всеми гражданами и не имеющая над собою ничего высшего, даже закона¹⁹¹. Подобные идеи часто бывают связаны с конкретно-историческими условиями, в которых жили и творили мыслители. И.Х. Финке здесь не был исключением. Да и можно ли было по-другому рассуждать в обществе, где царило самодержавие и крепостничество? Думается, что нет. Кроме того, идея абсолютной государственной власти имманентна теории естественного права, поскольку только по-настоящему сильная и независимая государственная власть способна обеспечить и гарантировать естественные права человека.

Интересно отметить отношение И.Х. Финке к вопросу разделения властей. *Власть правителя, направленную на достижение государственной цели, он делил на законодательную и исполнительную*, обходя, однако при этом проблему соотношения этих ветвей власти.

Тем не менее весьма прогрессивными выглядят сами его мысли о выделении законодательной власти. Идея, безусловно, не нова, но предложенный подход в определенной степени является фундаментом для развития принципа законности.

¹⁸⁷ Финке И.Х. Указ. соч. С. 117.

¹⁸⁸ См. там же. С. 119, 127.

¹⁸⁹ См.: Руссо Ж.Ж. Политические сочинения / Изд. подг. Б. Бернарди, С.В. Занин; Отв. ред. И.А. Исаев. СПб.: Росток, 2013. С. 135.

¹⁹⁰ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 128.

¹⁹¹ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 272.

Это подтверждается тем, как описывается этот вид власти. В частности, И.Х. Финке отмечал важность опубликования законов, недопустимость обратной силы закона. Он также рассматривал prerogatives законодательной власти, писал о выделении гражданского и уголовного законодательства¹⁹².

Дабы оценить значимость этих идей, во многом актуальных и поныне, важно понять, что они высказывались два века назад. Очевидно, на взгляды И.Х. Финке повлияли политико-правовые (в том числе революционные) идеи его современников.

Не обошел он стороной и исполнительную власть. Ее содержание трактуется весьма широко. Особо стоит отметить, что помимо прав верховного надзора, полиции, воинской власти, контроля над финансами и возможности заключать мир, И.Х. Финке также отнес сюда судебную власть¹⁹³. Подобный подход говорит о некоторой осторожности в изложении им своей концепции. Безусловно, здесь мы не увидим классического принципа разделения власти. Вместе с тем достаточно подробно описывается суд, его компетенция. Анализ данных идей опять иллюстрирует некоторую непоследовательность И.Х. Финке.

С одной стороны, подчеркивается важность рассмотрения дел беспристрастно и в соответствии с законом. С другой стороны, отмечается возможность выделения частных и привилегированных судов, в особых случаях оправдывается применение пытки¹⁹⁴.

Рассуждения И.Х. Финке о государстве подчинены общей логике его концепции. Поэтому многие положения трактуются неоднозначно. Например, в описании полиции, входящей в исполнительную власть, подчеркивается институт цензуры. Его основная цель – воспрепятствование печати книг, «противных религии, добрым нравам, существующей государственной конституции»¹⁹⁵

¹⁹² См.: *Финке И.Х.* Указ. соч. С. 129–130.

¹⁹³ См. там же. С. 141.

¹⁹⁴ См. там же. С. 155–159.

¹⁹⁵ См. там же. С.167.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.